

Нели
Смирнова

Я, конечно, не главная героиня...
но постараюсь выжить

Нели Смирнова

Я, конечно не главная героиня, но постараюсь выжить. 1-2 Том

<https://litres.ru/74076828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что бы вы сделали, если бы вселились в тело второстепенной героини, обречённой на смерть в первой главе? Знание сюжета — ваше единственное оружие.

Лянь Шэн, студентка-лингвист из нашего мира, решает не бороться за сердце главного героя, а просто выжить. Но её сарказм и стратегии словно бабочки, вызывающие бурю: главный герой сходит с ума, главный злодей проявляет к ней нездоровый интерес, а сюжет летит в тартарары.

А когда на горизонте появляется ещё один попаданец и запускает конец света, становится ясно: её скромный план «не умирать» безнадёжно устарел. Пора спасти мир. Ненавистная работа, но кто-то же должен это делать.

Эта книга для вас, если вы любите:

Умных и саркастичных героинь, которые выживают за счёт интеллекта, а не слез.

Сложных и загадочных антагонистов, чьи мотивы простираются дальше «я просто злой».

Истории о разрыве шаблонов, где второстепенный персонаж ломает систему и становится центром вселенной.

Содержание

Том 1. Роль второстепенной героини...	5
Глава 1. Попадание и первый шок	6
Глава 2. Когда сценарий идёт вразнос	16
Глава 3. Дом родной, но чужой	26
Глава 4. Утро в Змеином Гнезде	41
Глава 5. Планы, чай и судьба на поправку	51
Глава 6. Внезапное «а вот и поворот!»	64
Глава 7. Шёпот шкатулки и тени на пути	72
Глава 8. Наследник пепла	85
Глава 9. Уроки от мастера пепла и подозрительный попутчик	102
Глава 10 Тень над Кланом Лян	112
Глава 11. Доверие, купленное кровью.	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

**Я, конечно не главная
героиня, но постараюсь
выжить. 1-2 Том**

**Том 1. Роль
второстепенной героини...**

Глава 1. Попадание и первый шок

Вселенная, как выяснилось, обладает извращённым чувством юмора. Фраза «не загадывай вслух, а то сбудется» оказалась не просто страшилкой для скучных бабушек, а своего рода системным запросом. Если ты, к примеру, студентка-лингвист, до рассвета зачитывающаяся сэнсэй-новеллами и в сердцах восклицая: «Да я бы на её месте всю эту фэнтези-драму переписала!», — вселенная не просто слышит. Она берёт тебя на слабо, пинком отправляя через пространственно-временной клапан прямиком в эпицентр сюжета, который ты знаешь наизусть.

Прошу, не надо той снисходительной улыбки. Да, я обожала эти романы. Да, я мысленно критиковала сценарии и симпатизировала злодеям — они хотя бы честны в своём желании сломать игру. Но в мои планы на жизнь, поверьте, не входило состояние перманентного адреналинового коктейля, подозрительного отношения к каждому придорожному псу и личной встречи с персонажем, о котором в тексте писали: «того бояться даже демоны».

Сознание вернулось ко мне волной ледяной боли. Я лежала на сырой, колючей земле. Туман над долиной был на-

столько густым, что напоминал многослойный саван, наброшенный на спящий мир. Воздух пах влажной глиной, дымом и прелыми листьями — запах, которого нет в городе, где пахнет асфальтом и кофе. В висках стучало, а в левом боку пылал огнём синяк, будто по мне проехали грузовой тачкой.

«*Вселилась*» — красивое слово для дневника. На практике же это напоминает жуткий *хак* собственного «Я». В голове всплывали обрывки: я — Линь Сяо, 21 год, филфак, ночные бдения над книгами и крепчайший кофе. А ещё — я знала сюжет. Почти дословно. И одно имя заставило всё внутри сжаться в ледяной ком:

Ху Янь.

Едва я подумала о нём, в сознании щёлкнул невидимый переключатель. Перед мысленным взором возникло что-то вроде голографического интерфейса — бездушного, резко-го, как удар хлыста. Это не было магией. Это был баг в матрице, фатальная ошибка, загрузившая мне читерский мод «*Знание сюжета*». Стоило мне сфокусироваться на чём-либо, как всплывала лаконичная карточка: имя, роль, уровень опасности. Польза от того, что ты запоем читала книгу, — точное знание, кто из окружающих тебя людей *обречён*.

Я попыталась подняться. Тело отозвалось протестующей

болью в мышцах. Запястья были до неприличия тонкими, кожа — бледной. На мне было традиционное платье из тонкой ткани с вышитыми лотосами, от которого несло пудрой и стариной. *«Идеальный костюм для сцены "бедная родственница ждёт своего часа"»*, — с горькой иронией подметила я. Эта саркастичная мысль стала моим первым крошечным щитом против накатывающей паники.

Мир, однако, решил подлить масла в огонь моего личного ада.

— Леди Лянь Шэн? Вы в сознании? — послышался голос, молодой, с заметной хрипотцой от усталости.

Я повернула голову. К ней приближался слуга — худой, загорелый, с глазами, в которых читались бессонные ночи. Его одежда была чистой, но поношенной. Прежде чем он успел договорить, интерфейс в голове безжалостно выдал справку:

«Чжэнь Юн. Слуга клана. Верный, но морально истощён. В каноне остаётся на втором плане. Уровень опасности: Низкий.»

Он смотрел на меня с таким облегчением, будто только что отвёл от себя казнь. «Жива», — кричал его взгляд. Он назвал меня по имени — Лянь Шэн — и в тот же миг в память врезалось горькое знание: в исходном сюжете я — вне-

брачная дочь главы клана Лянь.

Нелюбимая. Обуза. И у меня есть мачеха, женщина, чью холодную красоту автор сравнивал с ледяной скульптурой, способной улыбаться и одновременно подписывать смертный приговор.

Причину моего визита в эту богом забытую деревню карточка мачехи озвучила с убийственной простотой:

«Лян Та. Мачеха. Расчётлива, холодна. Цель: устранить приёмную дочь, укрепив положение своих детей. Уровень опасности: Высокий.»

И тут осознание накрыло меня с новой, доселе неведомой силой. Я — не просто зритель. Я — та самая второстепенная героиня, чья роль в повествовании исчерпывается одним эпизодом: «погибла при нападении демонов на деревню». Это была не метафора. Это — мой приговор, вынесенный автором. И он должен быть приведён в исполнение. Очень скоро.

Паника, острая и тошнотворная, подкатила к горлу. Дыши. Просто дыши. *Раз ты ещё жива и мыслишь — значит, есть шанс. Любой сценарий можно переписать. Сначала — выжить. Потом — разобраться с мачехой, что меня сюда отправила.*

Я посмотрела на Чжэнь Юна, заставляя губы сложиться в подобие успокаивающей улыбки.

— Всё в порядке, Чжэнь Юн, — мой голос прозвучал неестественно ровно, будто его натянули на каркас из стали. Я пыталась изобразить ту самую сдержанную героиню, которой, по идее, должна была быть. Получалось отвратительно. — Я... пришла в себя.

— Леди, по приказу госпожи Лян Та мы следовали в деревню, но вы... оступились на склоне. Я перенёс вас сюда, в безопасное место в деревне.

«*Безопасное место*». Ирония этой фразы была ядовита. Если сюжет уже запущен, то безопасных мест здесь не осталось. Всё было лишь декорацией к моей казни.

Я заставила себя осмотреться. Деревня внизу, утопающая в утренней дымке, была одновременно идиллической и беззащитной. Деревянные дома, мостики через ручей, первые торговцы на улице. Лучи восходящего солнца золотили кроны деревьев, но не могли прогнать липкое, парализующее предчувствие беды. Оно витало в воздухе, гуще тумана.

Я сделала шаг, опираясь на руку слуги, и в этот момент чей-то крик разорвал утреннюю тишину. Не крик, а вопль — рваный, полный животного ужаса. Его тут же *подхвати-*

лидрующие. Мир замер, а затем сорвался в адский водоворот паники.

Мы бросились бежать. Мой внутренний интерфейс работал без перебоев, помечая встречаемых людей безжалостными тегами: «Крестьянин. Обречён. Уровень опасности: Средний (в контексте атаки)», «Торговец. Паникёр. Уровень опасности: Низкий». Это было ужасающе и бесценно одновременно. Я знала, кого можно проигнорировать, а за кем лучше последовать.

И тогда я увидела **Его**. *Ху Яня*.

Он стоял на пригорке, неподвижный, как изваяние, высеченное из самой ночи. Длинные тёмно-пепельные волосы струились, словно потоки чёрной воды. Лицо — острые, безупречные черты, будто выточенные из льда. А глаза... глаза были не просто красными. Они горели, смесью янтаря и крови, в которых тонули души. Интерфейс выдал предупреждение, от которого кровь стыла в жилах:

«ХУ ЯНЬ. ГЛАВНЫЙ АНТАГОНИСТ. САДИСТ. ПОВЕЛИТЕЛЬ ДЕМОНОВ. НАСЛАЖДАЕТСЯ ЧУЖИМ СТРАХОМ. УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ: СМЕРТЕЛЬНЫЙ.»

Он всего лишь хлопнул в ладоши — почти бесшумно.

И двое стражников у входа в деревню рухнули замертво. Не было ни вспышки, ни крови. Просто... жизнь из них ушла, как будто её выключили. Я застыла, не в силах отвести взгляд, парализованная этим безмолвным, совершенным злом. Единственная мысль, пробившаяся сквозь ледяной ужас: *Не двигаться. Не дышать. Стать невидимкой.*

И тут небо почернело от огненных шаров, с рёвом несущихся к деревне. Начался хаос. Толпа, мечущаяся в панике, отбросила меня от Чжэнь Юна. Меня швыряло из стороны в сторону, я едва увернулась от *снаряда*, врезавшегося в соседний дом с оглушительным грохотом. Демоны. Первая глава. Всё идёт по плану. По плану моей смерти.

И в этот миг отчаяния меня осенило. Паника не поможет. Ты же знаешь, что будет дальше. Каждый их шаг. Каждая атака. Это не интуиция — это спойлер. Используй его!

— Быстро, сюда! — раздался позади властный, собранный голос.

Я обернулась. И увидела его. Сяо Фэй.

Его имя вспыхнуло в сознании, как знамя:

«СЯО ФЭЙ. ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ. РЕШИТЕЛЬНЫЙ, ЖЕРТВЕННЫЙ. ОБРЕЧЁН ПОТЕРЯТЬ БЛИЗКИХ. УРО-

ВЕНЬ ОПАСНОСТИ: НИЗКИЙ (союзник)».

Он, не церемонясь, схватил меня за руку и потащил под прикрытие каменной стены. Его пальцы были твёрдыми и уверенными. В его глазах горел огонь, которого так не хватало мне, — огонь не слепой надежды, а яростной решимости бороться до конца.

Мы оказались за грубым каменным заслоном, рядом с несколькими бочками. Сяо Фэй уже оценивал обстановку с хладнокровием ветерана.

— Помоги мне! — крикнул он, указывая на груды досок и верёвок. — Соорудим завал! Замедлим их!

Моё сердце бешено колотилось, но разум наконец-то проснулся. Да. Ловушка. В оригинале её не было. Это мой шанс. Первое изменение. Я кинулась к обломкам, движения стали резкими и точными. Я не просто выполняла его приказ — я знала, куда именно положить доску, как натянуть верёвку, чтобы создать максимальные неудобства низкорослым демонам. Я действовала не интуитивно, а как инженер, видящий чертёж будущей катастрофы и ставящий на её пути контролируемый заслон. Сяо Фэй на мгновение застыл, увидев, с какой точностью я укладываю доску именно в то место, откуда, как он знал по опыту, будет следующая атака. В его глазах мелькнул вопрос, но некогда было его задавать.

— Осторожно! — крикнула я, когда очередной шар пролетел в сантиметрах от нас. Сяо Фэй рывком оттащил меня глубже в укрытие. Наше краткое соприкосновение вызвало странный прилив уверенности. *Он должен выжить. А для этого должен выжить и я.*

Мы работали в унисон. Он — меч и щит, отбивающий атаки и организующий людей. Я — тень, архитектор хаоса для врагов, возводящая несложные, но эффективные преграды. Когда первая волна демонов врезалась в наши сооружения, несколько из них споткнулись, создав давку. Это дало Сяо Фэю драгоценные секунды, чтобы перегруппировать силы.

И снова я почувствовала на себе его взгляд. Ху Янь. Он стоял по-прежнему неподвижно, но его горящие угли-глаза были теперь направлены на наш участок обороны. Холодный ужас снова сжал горло.

Когда первый натиск стих, воздух наполнился гарью и стопами. Деревня устояла, но цена была ужасна. Я знала, что Сяо Фэю предстоит пережить личную трагедию — это была неизменная часть его пути. Но глядя на него — усталого, в поту и пыли, но не сломленного, — я поняла главное.

Я больше не Линь Сяо – читатель новеллы. Я — Лянь

Шэн, *персонаж, который должен умереть*. Он — главный герой, несущий свет. И если я хочу выжить, мне придётся переписать не только свою судьбу. Возможно, и его тоже.

Наши взгляды встретились на мгновение — усталые, полные немых вопросов, но в них читалось нечто новое: зарождающееся доверие на краю пропасти.

Моя история борьбы за выживание — только началась.

Глава 2. Когда сценарий идёт вразнос

Я всегда думала, что фраза «ночь пережили — уже праздник» звучит слишком пафосно. Оказалось, в мире культиваторов это — суровая констатация факта. Если утром твои лёгкие наполняются воздухом, а не дымом погребального костра, это уже повод мысленно поблагодарить небеса, соседей и даже ту самую курицу, что отчаянным кудахтаньем отвлекла демона в решающий момент.

Мы выжили. Если можно назвать «выживанием» состояние, когда каждый мускул ноет от усталости, в ушах до сих пор стоит звон от воплей, а перед глазами стоит картинка: как Ху Янь растворяется в дыму, бросив на прощание взгляд своих *раскалённых-угольковглаз*. Было ли его присутствие страшнее этой пустоты, что он оставил после себя? Пустоты, наполненной болью и пеплом?

Сяо Фэй держался до последнего, как и положено главному герою. Он был живым штабом, мозгом и сердцем сопротивления. Я же помогала как могла — мои попытки были неуклюжими, больше похожими на метания испуганного котёнка, но факт оставался фактом: я не умерла. В условиях

жестокоего романа о культивации это уже было тактической победой.

А утро принесло с собой то, на что у меня не хватало духа смотреть.

Похороны.

Длинный ряд простых гробов из неструганных досок выстроился на площади. Воздух, густой от запаха ладана, лечебных трав и горького дыма, резал глаза. Плач женщин сливался в монотонный, пронзительный хор. Мужчины стояли молча, с каменными лицами, а дети, не до конца понимая масштаб трагедии, тихо шмыгали носами.

Именно тогда мой взгляд упал на один из гробов, и внутри всё похолодело. Внезапно появившаяся карточка была лишь формальностью, я и так знала, кто это.

«Дядя Сяо. Старейшина, наставник. В каноне: должен погибнуть в арке "Осаждённый город". СТАТУС: НЕЖИВ. СЮЖЕТНЫЙ СДВИГ: КРИТИЧЕСКИЙ.»

В книге он был жив ещё добрых триста страниц! Мудрый старик с бородой, которой можно было подметать улицы, опора Сяо Фэя и всей деревни. Его смерть здесь и сейчас была не просто трагедией. Это был первый звонок, громкий и неумолимый: сюжет поехал по швам.

В груди что-то неприятно и тяжело ухнуло, оставляя после себя ледяную пустоту.

— Отлично, — выдохнула я почти беззвучно. — Просто

шикарно. Вселенная решила сыграть в «а давайте поменяем правила, не предупреждая игроков». Очень мило с её стороны.

— Ты что-то сказала? — раздался рядом сдержанный голос Сяо Фэя.

Я вздрогнула, застигнутая врасплох.

— Я сказала... что это невосполнимая потеря, — поспешно подобрала я слова, чувствуя, как горит лицо. — И что теперь деревне придётся очень нелегко.

Он лишь кивнул, его лицо оставалось непроницаемой маской, но в глазах стояла такая глубокая, немая боль, что моё сердце сжалось. Никакие книжные формулы о «закалке характера» не могли оправдать этого пустого взгляда. Впервые я поняла разницу между чтением о страданиях героя и созерцанием их вживую.

Церемония началась. Мы опустились на колени. Мои городские суставы заныли и затекли уже через пару минут, но я стиснула зубы.

«Не выделяйся. Ты всего лишь второстепенная героиня на чужих похоронах. Не напоминай им о себе».

— Пусть их души обретут покой... — тянул староста.

Я украдкой скользнула взглядом по Чжэнь Юну. Он стоял по стойке «смирно», но его уставшие глаза безошибочно считывали каждый мой мускульный спазм и транслировали единственное послание:

«Миледи, ради всех святых, просто помолчите и не при-

влекайте внимания».

Но молчать, когда твой единственный козырь — знание будущего — превращается в пыль, было невыносимо. В голове лихорадочно прокручивались новые планы.

«План "Не умереть" актуален как никогда. План "Выяснить, почему сюжет ломается" переходит в категорию "срочно". План "Заставить мачеху подавиться собственным ядом" пока откладывается, но я о нём не забуду».

Я невольно ухмыльнулась этой едкой мысли. Чжэнь Юн тут же бросил на меня взгляд, полный немого укора, словно я плясала на могиле. Что ж, он был недалёк от истины. Неловко.

Когда церемония завершилась, Сяо Фэй снова подошёл ко мне.

— Твои действия вчера... были правильными, — произнёс он, и в его голосе прозвучала несвойственная ему мягкость. — Без той ловушки потерь было бы больше.

— Благодарю, — я сделала лёгкий, почтительный поклон, из последних сил изображая ту самую сдержанную благородную девицу. *«Первое достижение в этом аду: не умерла и получила аплодисменты от главного героя. Табличку "Лучшему статисту" можно вешать».*

Он хотел что-то добавить, но его отвлёк горький плач женщины, припавшей к гробу дяди Сяо. Её отчаяние эхом отра-

зилось в шёпote окружающих: «*Как мы теперь выстоим?..*»

И я поняла окончательно: мой сюжетный щит треснул. Знание книги превращалось из стратегической карты в сборник устаревших слухов. Всё может пойти наперекосяк. И если Ху Янь вчера смотрел на меня с тем странным, пристальным интересом... значит, я сама стала тем самым «багом» в системе, тем вирусом, что запускает цепную реакцию изменений.

А всё, чего мне по-настоящему хотелось, — это допить остывший кофе и наконец-то дописать свою курсовую по мёртвым языкам, которые внезапно показались райским островком стабильности.

Похороны окончательно *выдохлись* под низким серым небом. Солнце и не думало показываться, словно испугавшись тени Ху Яня. Люди расходились медленно, унося с собой горе, пустоту или тихую ярость.

Я собиралась затеряться в толпе, чтобы хотя бы сохранить лицо, но Чжэнь Юн мягко, но настойчиво приблизился.

— Миледи, нам необходимо *обсудить* дальнейшие шаги, — его шёпот был едва слышен, но в нём чувствовалась сталь.

Я поняла этот тон. Он означал: «*Или вы идёте сами, или я понесу вас через плечо, но мы уходим отсюда прямо сейчас*». Пришлось сдаться.

Мы отошли за угол самого уцелевшего дома, где запах ла-

дана уже не перехватывал дыхание.

— Миледи, — продолжил он, понизив голос, — наша инспекция деревни... официально завершена. Досрочно. В сложившихся обстоятельствах возвращение в клан — единственный разумный выход.

Я едва сдержала саркастичный смешок. *«Завершена» — это самый дипломатичный способ описать «прервана кровавой бойней, устроенной главным антагонистом».* Мой *«экскурсионный тур»*, задуманный мачехой как изящный способ избавиться от падчерицы, благополучно провалился. Я выжила. Что само по себе было жестоким оскорблением для её планов.

— Значит, возвращаемся, — констатировала я, и в моём голосе прозвучала непритворная усталость.

В голове пронеслись обрывки канона: Ху Янь должен был лишь продемонстрировать силу, отправив пару демонов-разведчиков. Деревня должна была устоять. Дядя Сяо должен был жить. Сяо Фэй должен был получить первый, но не такой сокрушительный урок.

Всё было вверх дном.

И снова перед глазами встало лицо Ху Яня. Его взгляд. Не отстранённо-жестокий, каким он должен был быть, а... заинтересованный. Пристальный. Будто он разглядел в толпе безликой статистики нечто иное. Может, я сама, своим паническим, но осознанным сопротивлением, попала в фокус его

внимания? Словно мышка, которая внезапно подняла голову и посмотрела на кота не с тупым ужасом, а с холодной яростью.

Мы вернулись на площадь. Сяо Фэй всё ещё был там, помогая разбирать завалы, переноса раненых, отдавая тихие распоряжения. Его плечи были напряжены, будто на них давила тяжесть не только обрушившихся балок, но и всех этих сломанных судеб.

Я смотрела на него, и привычный книжный образ «несгибаемого героя» треснул, открывая нечто более хрупкое и человеческое. Его ждала череда потерь, предательств, каждая победа будет оплачена кровью. В романе это выглядело эпично. Здесь, среди пепла и слёз, это выглядело как изощрённая пытка.

«А что, если из-за сдвигов его судьба станет ещё страшнее? Если он не выдержит, сломается, превратится в того, с кем сам же будет сражаться?»— эта мысль вонзилась в сознание с такой остротой, что я сама испугалась силы этой внезапной, иррациональной тревоги.

Я не могла всё изменить. Но я могла попытаться смягчить удар. Дать ему инструмент, а не готовый ответ. Если сюжет искажается, то и мои «подсказки» могут стать частью нового нарратива.

И он сам подошёл к этому моменту.

— Вы уезжаете? — его голос был низким и усталым, но в нём не было ни капли слабости. Его взгляд скользнул по

мне, изучающий, запоминающий.

— Да, — кивнула я. — Моя миссия здесь завершена. А вашей деревне сейчас нужен её защитник, а не чужая дочь с сомнительной репутацией.

Я позволила себе лёгкую, почти невесомую улыбку, словно делясь тонкой шуткой. На самом деле мне отчаянно хотелось в мир, где самый страшный враг — это дедлайн по курсовой работе.

Он кивнул, но я заметила, как сжались его пальцы. Сильный, несломленный — и в то же время сейчас он выглядел как юноша, у которого внезапно выбили из-под ног опору.

— Сяо Фэй, — начала я, тщательно подбирая слова, — иногда... тень врага падает от того, кто стоит рядом. Не все, кто предлагает помощь, желают тебе добра. Особенно те, кто слишком осведомлён о повадках демонов.

Я не назвала имён. Фраза *«твой названный брат Сяо Жэнь продаст тебя демонам за глоток силы»* звучала бы как бред сумасшедшей. Но намёк, как семя, был брошен в почву.

Он нахмурился, его взгляд стал острее.

— Ты что-то знаешь конкретное?

— Я знаю лишь, что тени иногда длиннее тех, кто их отбрасывает, — я развела руками, изображая лёгкое смущение. — А кто станет слушать вторую дочь без положения и влияния?

Он долго и пристально смотрел мне в глаза, словно пытаюсь прочесть между строк. В его взгляде было недоверие,

но и зарождающееся любопытство.

— Я учту твои слова, — наконец произнёс он. — Спасибо.

К вечеру повозка была готова. Лошади беспокойно переступали с ноги на ногу, уставшие люди догружали скудные пожитки. Я стояла в стороне, ловя странное, двойственное чувство: желание бежать отсюда подальше и непонятную тягу остаться.

Впереди меня ждала мачеха, клановые интриги и новые попытки списать меня со счетов. А здесь оставался он — герой, чья дорога только начиналась, и была усыпана не славой, а осколками его прежней жизни.

Я сделала несколько шагов в его сторону. Он как раз отдавал последние распоряжения.

— Сяо Фэй, — позвала я, и он обернулся. — Моё имя... Лянь Шэн. Запомни его.

На его усталом лице на мгновение проступила слабая, но искренняя улыбка. В глубине его глаз мелькнуло что-то тёплое, предчувствующее, будто он и вправду ощутил, что это имя ещё не раз прозвучит на его пути.

— Лянь Шэн, — повторил он, обжигая мой слух собственным именем, произнесённым его голосом. — Запомню.

И это необъяснимым образом согрело что-то внутри, став маленьким островком тепла в ледяном океане неопределённости.

Повозка тронулась. Я устроилась на жёсткой скамье, позволив глазам закрыться. Внутри всё переворачивалось: тре-

вога за героя, холодный страх перед мачехой, жгучее любопытство к мотивам Ху Яня и странное, щекочущее нервы предвкушение.

«Если правила игры меняются, значит, и я могу стать тем, кто их пишет. Вопрос лишь в том, удастся ли мне переписать его судьбу, не уничтожив при этом свою?»

И именно в эту секунду вселенная решила вручить мне мой первый бонус за прохождение.

Под сиденьем раздался тихий, но отчётливый щелчок. Я наклонилась, отодвинула грубый половик — и замерла. Там лежала она. Небольшая деревянная шкатулка. Но это была не деревенская поделка. Изумительная работа, тончайшая резьба, и сквозь дерево проступал едва уловимый голубоватый свет. Замок не имел замочной скважины.

Я узнала её. По сюжету, этот артефакт должен был найтись на развалинах древнего храма десятки глав спустя. И нашёл его определённо не я.

— Восхитительно, — прошептала я, ощупывая гладкую, тёплую поверхность шкатулки. — Теперь у нас квест с дополнением. Спасибо, вселенная. Похоже, ты действительно настроена играть со мной в «угадай новый сюжет» до конца.

Глава 3. Дом родной, но чужой

Возвращение в клан в романах всегда описывалось как торжественный момент: повозка плавно подкатывает к воротам, слуги почтительно раскрывают створки, ты грациозно сходишь на землю — вся такая загадочная и значительная, даже если ты всего лишь статистка. В реальности же моё возвращение больше напоминало транспортировку мешка с картошкой. Повозка скрипела и подпрыгивала на каждой кочке с таким упоением, что мои внутренние органы заключили пакт о взаимном ненападении и просто перестали коммуницировать. Пыль въедалась в поры с настойчивостью голодного комара, а деревянное сиденье щедро делилось со мной своими занозами, словно это было проявлением гостеприимства.

— Миледи, мы приближаемся, — голос Чжэнь Юна прозвучал устало, но собранно. Он выглядел так, будто его жизненные силы поддерживались лишь одной мыслью: «доставить хозяйку живой, а там хоть потоп».

— Восхитительно, — пробормотала я, чувствуя, как желудок совершает кульбит на очередной колдобине. — Можно запускать сценарий «Зловещая мачеха и несчастная падчерица». Где мой попкорн?

Под сиденьем шкатулка отозвалась едва заметной вибрацией, словно дразня: «открой, открой меня». В оригинальной новелле этот артефакт был легендой — Древним Оракулом, способным отвечать на вопросы и хранящим знания прошлого. По сюжету, главный герой находил её гораздо позже, после долгих испытаний, и она становилась его мудрым проводником. А сейчас эта штуковина сама приплыла ко мне в руки, как нахальный кот, решивший, что отныне я его хозяйка. Замок не поддавался, а я не горела желанием взрывать сюжет раньше времени. Сначала нужно было разобраться с проблемами, которые кусались сильнее.

Ворота клана встретили нас холодным величием, которое казалось слегка театральным. Две каменные глыбы в форме львов — таких размеров, что любая деревенская бабка перекрестилась бы и пробормотала заклинание от сглаза. Стены вздымались вверх, словно пытаясь достать до небес, крыши с закрученными краями напоминали застывшие волны, а камушки на дорожке были уложены с такой геометрической точностью, будто над ними трудились монахи-перфекционисты. Но стоило мне переступить порог, как идеальная картинка дрогнула.

На нас обрушился шквал взглядов. Ученики, тренировавшиеся на площадке, замерли, и их молчаливое презрение

ощущалось почти физически — острыми иголками, впивающимися в кожу. Мой внутренний интерфейс тут же ожил, безжалостно фиксируя каждую деталь:

«Ученик, 2-й ранг. Эмоции: презрение, зависть. Цель: самоутверждение за ваш счёт. Уровень опасности: Низкий (пока).»

«Учитель Бо. Роль: Наставник. Эмоции: раздражение, подозрение. Отношение к внебрачным детям: резко отрицательное. Уровень опасности: Средний.»

Идеально. Мир сразу дал понять: даже «безопасная» гавань пронизана подводными течениями. Эти люди в одинаковых одеждах, со своими деревянными мечами и вымученной суровостью на лицах, были живым воплощением системы, где каждый твой шаг оценивается, взвешивается и используется против тебя.

В главном зале нас ждала она — мачеха. Лян Та была безупречна, как дорогая фарфоровая ваза из-за стекла музейной витрины: ни единой морщинки, ни пятнышка на роскошном наряде, ни искренней эмоции на лице. Высокая причёска, платье с вышитыми журавлями, лёгкая улыбка — от которой по коже бежали мурашки, словно от внезапного порыва ледяного ветра.

— Дорогая Шэн, — произнесла она сладким, сиропным голосом, будто обращаясь к чужому котёнку, случайно забе-

жавшему в парадные покои. — Как я рада, что ты вернулась к нам невредимой.

Перевод с языка мачех: *«Какая досада, что демоны оказались такими нерасторопными».*

— Благодарю за вашу заботу, госпожа, — я сделала безупречный реверанс, вживаясь в роль смиренной дочери. Внутри же всё кипело: *«О, как бы я хотела выложить тебе всё, что думаю о твоём "радушии". Но сюжет... Проклятый сюжет пока этого не позволяет».*

Рядом с ней стояли её дочери — мои сводные сёстры, живое воплощение клановой иерархии.

Старшая, Лян Хуа, сделала шаг вперёд. Она была похожа на ожившую миниатюру с рекламы элитных благовоний: безупречные черты лица, осанка, которой позавидовал бы любой гвардеец, и улыбка, беззвучно говорящая: *«Я — воплощение добродетели, и я никогда не опущусь до открытых интриг».* Ну да, конечно.

— Сестрица, как же мы все рады твоему возвращению, — её голос был столь же идеальным, как и внешность, и я на секунду едва не поверила в её искренность.

«Лян Хуа. Старшая дочь. Эмоции: скрытая враждебность, соперничество. Статус: "Золотая надежда клана". Уровень опасности: Высокий.»

Младшая, Лян Мэй, выскочила вперёд с сияющей, по-детски непосредственной улыбкой.

— Сестричка! — Она с размаху бросилась мне на шею, и я едва удержалась на ногах, получив порцию удушающей любви. — Я так молилась за тебя!

«Лян Мэй. Младшая дочь. Эмоции: искренняя радость, наивность. Статус: "Неосознанная угроза". Уровень опасности: Низкий (но непредсказуемый).»

Хоть одна без скрытых мотивов. Правда, именно такие чаще всего и запускают цепь непреднамеренных катастроф.

И тут на сцене появился он — глава клана, мой номинальный «отец». Лян Чжэн. Его лицо напоминало старую, потрескавшуюся от времени резную маску: суровое, с морщинами, каждая из которых рассказывала историю принятого тяжёлого решения, и со взглядом, говорящим: *«Я видел слишком много, и большую часть увиденного мне не понравилось»*. Я впервые заметила, как в глазах мачехи мелькнула не боль, а быстрый, почти молниеносный расчёт — как лучше обыграть эту ситуацию для укрепления собственных позиций.

— Шэн, — его голос прозвучал сухо и негромко, как скрип старого дерева. — Ты вернулась вовремя. Это хорошо.

«Вовремя» в его устах означало «твое появление не нарушило наш хрупкий внутренний баланс, и сегодня мы великодушны», но я лишь мысленно усмехнулась и постаралась

соответствовать моменту: почтительно склонила голову, как и подобает дочери, которая по умолчанию виновата даже в смене времени года.

Ученики вокруг перешёптывались, их губы кривились в усмешках. Один, особенно ретивый, подошёл поближе и прошипел мне в спину: «Внебрачная». Слово прозвучало как укол раскалённой иглой. В этом мире родословная была валютой, а клеймо «внебрачной» обесценивало тебя быстрее, чем фальшивая монета. Самое забавное, что он, наверное, считал это смертельным оскорблением. Для меня же это был просто факт, такой же неотъемлемый, как расписание пар по фонетике в понедельник утром: все его ненавидят, но ничего поделать нельзя.

На тренировочной площадке меня провожали взглядами, будто я была редким и не самым приятным экспонатом в музее. Дети-ученики отрабатывали удары с таким рвением, словно каждое движение было направлено на выбивание из меня духа слабости. Кто-то бросил в мою сторону колкость о том, что «внебрачные обычно держат меч не лучше, чем ложку для супа». Я ответила им взглядом, который в романах должен был заставить их смутиться и отступить. Они же уставились на меня с таким недоумением, будто я внезапно начала говорить на мёртвом языке.

И тут появилась она — моя личная служанка, Юй Лин. Маленькая, но с глазами, в которых читался такой запас страдания и решимости, что я впервые за этот бесконечный день почувствовала — можно на секунду расслабиться и перестать играть роль смиренной жертвы.

«Юй Лин. Личная служанка. Эмоции: преданность, тревога, готовность защищать. Особенность: понимает больше, чем говорит. Уровень опасности: Нулевой (союзник).»

Юй Лин не стала церемониться. Небольшая, но стремительная, она встала между мной и группой задир с такой внезапностью, что у тех даже выражения лиц на мгновение застыли в глупом недоумении. За её спиной возникла не физическая сила, а нечто более весомое в стенах клана — абсолютная уверенность. Уверенность того, кто знает цену скандалу и не боится его.

— Вам разве не надоело трепать языки? — её голос прозвучал тихо, но с такой металлической твёрдостью, что самые наглые невольно попятнулись. — Идите лучше потренируйтесь. Ваши техники пока что кричат громче ваших слов.

Тот, кто бросил оскорбление, покраснел, будто его щёки подожгли. Дети — это отдельный жанр драмы: гремущая смесь завышенной самооценки и недостатка воспитания. Они отступили, бурча что-то под нос, а Юй Лин, не сводя с них бдительного взгляда, потянула меня за рукав и уверенно

повела вдоль колоннады в сторону женских покоев.

— Я здесь, миледи, — прошептала она, когда мы скрылись в тени арочного прохода, увитого диким виноградом. — Не показывайте им свою слабость. Здесь есть те, кто наблюдает за вами куда пристальнее, чем вам кажется.

Я сделала вид, что пошатнулась от усталости и забывчивости — амнезия в исполнении Лянь Шэн: с налётом драмы, но без излишнего пафоса. В голове уже строились оправдания: «удар головой», «шок от пережитого», «временная потеря памяти». Вряд ли преподаватели по психологии одобрили бы такой набор, но в условиях кризиса приходится импровизировать.

Юй Лин провела меня через лабиринт коридоров, где пахло заваренным чаем и едва уловимыми нотами лаванды, и привела в мои покои — скромную, но чистую комнату с видом на внутренний сад клана. Всё здесь было организовано с педантичной аккуратностью: аккуратно сложенные одеяла, чайный сервиз на столе, небольшая фарфоровая статуэтка лотоса на полке. И — что особенно трогательно — маленький мешочек с вышитым моим именем, висящий на шнурке, словно кто-то опасался, что моё существование здесь могут попросту забыть.

Я опустилась на подушку, изображая, что с трудом вспо-

минаю, как нужно сидеть с прямой спиной. Театральные паузы — моя слабость, они придают словам нужный вес. Сделав глоток чая, я с видом страдальницы, терзаемой амнезией, прижала ладони к вискам.

— Юй Лин, — начала я, глядя на свои руки, — расскажи мне... обо мне. Моя голова... воспоминания путаются. Кажется, в той деревне я упала... и, ударившись головой... потеряла память. Кто была моя мать? Почему... это слово «внебрачная» звучит как приговор?

Её глаза мелькнули — сначала тревогой, затем усталостью, а после в них появилось что-то похожее на нежность. Она присела рядом, её взгляд скользнул по шкатулке, лежавшей у моих ног, и она едва заметно покачала головой, словно упрекая моё невероятное везение — находить и артефакты, и проблемы в одном флаконе.

— Ваше происхождение, миледи, — начала она так тихо, что слова почти тонули в шелесте листвы за окном, — дело тёмное. Ваша мать... не была из сильных кланов. Говорили, она пришла с юга — знала толк в травах и старинных песнях. Глава клана, Лян Чжэн, увидел её однажды на празднике урожая и... привёз сюда. Чтобы чужие глаза не видели. Ваша мать умерла, когда вы были ещё совсем ребёнком. Одни говорят — от болезни. Другие — что недоброжелатели нашлись. Третьи шепчутся о чём-то ином. — Юй Лин тяжело вздохнула, её пальцы нервно теребили край рукава. —

После её ухода всё переменилось. Госпожа Лян Та... так и не приняла вас. Она всегда считала, что вам нет места рядом с её настоящей семьёй.

Карточки в голове тут же подлили масла в огонь: *«Мать. Личность неизвестна. Обстоятельства смерти: под вопросом. Мачеха: Мотивирована страхом и расчётом. Вероятность недосказанности в истории: Высокая.»* Мой внутренний цинизм ехидно заметил: *«Как удобно. "Говорят" — лучшее прикрытие для яда или кинжала в спину».*

— Отец... — продолжила Юй Лин, — он проявлял к вам интерес. Присылал книги, иногда ткани. Но он... устал. Годы правления, интриги. Его воля уже не та. Реальная власть теперь... — она многозначительно посмотрела в сторону покоев мачехи.

— У госпожи Лян Та, — закончила я за нее. Классика жанра. Сильная женщина, правящая через страх и манипуляции, пока номинальный правитель дремлет в тени своего прошлого.

Юй Лин кивнула, а затем её взгляд упал на шкатулку, которую я не выпускала из рук.

— Миледи... это? — в её голосе прозвучала лёгкая тревога.

— Сувенир, — отмахнулась я. — На память о гостеприимстве демонов.

Она не стала допытываться, но в её глазах читалось понимание — она знала, что эта вещь не простая.

— Будьте осторожны, миледи. Стены имеют уши, а вещи... иногда имеют свою волю. А вы сильнее, чем кажется. И даже если нападение демонов потрясло вас до глубины души, вы справились.

Я кивнула, скрывая улыбку: да, если «сильнее» означает необходимость притворяться супергероем с фрагментарной памятью и использовать сарказм в качестве основного оружия.

— Спасибо, Юй Лин, — наконец сказала я вслух. — Теперь расскажи мне о других обитателях клана. Особенно о мачехе и её дочерях — в деталях.

Она устроилась напротив, словно мудрый наставник, готовый посвятить меня в тайны клана, а я поудобнее устроилась, сжимая в руках тёплую шкатулку. Внутри уже выстраивался план: выжить, понять новые правила игры и, самое главное, найти способ помочь Сяо Фэю, не превратившись при этом в мишень.

— Лян Та... — начала Юй Лин, обводя комнату осторожным взглядом, — известна своим холодным умом и умением поддерживать порядок через страх и показное уважение. Старшая дочь, Лян Хуа, обладает выдающимися спо-

собностями и фанатично следит за тем, чтобы фамильная честь оставалась безупречной. Младшая, Лян Мэй, добра и искренна, но её легко используют в чужих играх.

Я мысленно отметила: идеальная семья — змея, паук и случайная бомба с бантиком.

— И ещё кое-что, миледи, — Юй Лин наклонилась ещё ближе, её шёпот стал едва слышным: — в клане творятся вещи, о которых вы, возможно, и не догадывались. Даже старые наставники не ведают всей подоплёки.

Я улыбнулась. В сознании вспыхнули новые «карточки», и ощущение, что сюжет катится под откос, стало совершенно осязаемым.

— Отлично, — прошептала я себе под нос. — Чем запутаннее клан, тем интереснее в нём играть.

Юй Лин помогла мне разложить вещи, достала бумаги, свитки и прочие мелочи, которые могли понадобиться, и наконец оставила меня наедине с моими мыслями. Я подошла к позолоченному зеркалу и внимательно рассмотрела своё отражение. Лицо Лянь Шэн, тело второстепенной героини, а в голове — план по спасению главного героя, переписыванию судьбы и лёгкая, но настойчивая тревога, исходящая от шкатулки, что лежала на столе и словно напоминала: *«Не забывай, я здесь, и я — твой шанс»*.

Я расположилась у окна, наблюдая, как последние лучи солнца пробиваются сквозь деревянные ставни. Комната была уютной, но её уют был обманчивым — словно сама атмосфера здесь шептала: *«Расслабься, но помни, что за каждым углом может таиться опасность»*. Я провела рукой по своему отражению в зеркале.

Лицо Лянь Шэн... или, вернее, лицо, которое теперь принадлежало мне, было хрупким, с мягкими, почти кукольными чертами, чуть выступающими скулами и глазами, которые могли казаться то пронзительными, то растерянными — в зависимости от игры света и поворота головы. Тёмные, идеально гладкие волосы — в моей прошлой жизни я обычно собирала их в небрежный хвост, что вызвало бы у любой уважающей себя культиваторши приступ брезгливости. Телосложение — худощавое, с намёком на силу, которую можно было бы развить, но пока невыразительное.

Я изучала себя, как стратег изучает карту местности. Внешность — мой новый инструмент, который нужно освоить и использовать с умом. И тогда я начала выстраивать план, системно и логично:

Первый приоритет: Выживание. Держаться подальше от радаров мачехи и её дочерей. Изучить правила этой игры,

чтобы не стать их разменной пешкой.

Второй приоритет: Исследование. Разобраться с особенностями этого тела. Если существуют запечатанные способности или скрытый потенциал, обнаружить их сейчас, пока не стало слишком поздно. Начать с основ дыхательных техник и физической подготовки.

Третий приоритет: Стратегия помощи. Продумать, как можно незаметно влиять на судьбу Сяо Фэя. Даже в искажённом сюжете его жизнь — ключевой элемент. Любая помощь должна быть точечной, нелогичной для стороннего наблюдателя и не менять его драму радикально.

Я представила себя тенью, стратегом, действующим из-за кулис: наблюдать, собирать информацию, проверять возможности тела, учиться защищаться. Если я смогу раскрыть хотя бы часть потенциала этой Лянь Шэн, шансы не только выжить, но и изменить ход событий — возрастут.

— Значит, — тихо проговорила я своему отражению, — начинаем с талантов. Нужно понять, на что способно это тело, какие техники ему доступны, и как превратить их в щит. А затем... затем попытаться подстраховать того, чья судьба важнее моей.

Словно в ответ на мои мысли, шкатулка на столе едва за-

метно дрогнула, и по дереву пробежала слабая голубоватая вспышка. Казалось, она говорила: «Начинай. Я буду твоим проводником в этом новом, искаженном сюжете».

Я встала, глубоко вздохнула, ощущая своё новое тело — лёгкость в конечностях, непривычный ритм сердцебиения, зарождающуюся где-то в глубине силу. Сарказм и юмор остались моим верным оружием, но теперь к ним нужно было добавить реальные умения — умение выживать, анализировать и влиять.

— Ладно, Лянь Шэн, — сказала я тихо, глядя в глаза своему отражению. — Время пассивного наблюдения закончилось. Ты — здесь, в этом теле, в этом мире. И у тебя есть единственный шанс переписать не только свою судьбу, но, возможно, и судьбу этого мира.

С лёгким, щекочущим нервы предвкушением я начала готовиться к следующему дню — дню, когда мне предстояло узнать больше о клане, о мачехе, о своих новых способностях и о той роли, которую мне уготовила капризная вселенная.

Глава 4. Утро в Змеином Гнезде

Утро в клане Лян наступило не как новый день, а как тщательно прописанный режиссерский ход: туман был художнически развешан по крышам, а солнце пробивалось сквозь него робкими лучами, будто боясь нарушить выверенную эстетику. Просыпаться в теле второстепенной героини, оказывается, сродни пробуждению с похмелья после праздника, на который тебя не звали. Каждая мышца ноющим эхом напоминала: «ты здесь чужая, и твое место где-то внизу».

Перед зеркалом я изучала своё новое воплощение. Лицо Лянь Шэн — миловидное, но не броское, с чертами, которые при желании можно было назвать и милыми, и невзрачными. Глаза, в которых при должном усилии можно было изобразить и кротость, и стальную решимость. Тело — худощавое, без намёка на мощь, но со скрытой упругостью в мышцах, словно оно годами ждало, когда же им начнут пользоваться не для галочки, а по-настоящему.

— Ну что, сестрёнка, — обратилась я к отражению, — пора перестать быть декорацией. Пора выяснить, на что ты действительно способна.

Юй Лин появилась беззвучно, как тень, но с завтраком, пахнущим дымом и специями. Её присутствие было единственным по-настоящему тёплым пятном в этом ледяном утре.

— Миледи, — её голос был тихим, но твёрдым, — Учитель Бо ожидает вас на тренировочной площадке. Он лично пожелал оценить ваш прогресс.

Внутри всё сжалось в комок. Учитель Бо. Его карточка в моём сознании мигнула предостерегающе.

«Учитель Бо. Мастер боевых искусств. Ценит дисциплину и силу. Нетерпим к слабости и «нечистым» родословным. Уровень опасности: Средний (в случае провокации).»

Площадка встретила меня вихрем движений и звонкими выкриками. Десятки учеников в унисон отрабатывали удары, их тела были полны отточенной грации, которой мне так не хватало. Учитель Бо, высокий и прямой, как древко знамени, смотрел на меня оценивающим взглядом, в котором не было ни капли снисхождения.

— Лянь Шэн. Покажите базовую стойку и первую форму, — скомандовал он, не тратя времени на приветствия.

Я сделала глубокий вдох, заставляя чужое тело вспомнить заученные когда-то движения. Стоило мне принять стойку,

как в мышцах отозвалась странная, едва уловимая память. Руки сами заняли нужное положение, ноги инстинктивно нашли устойчивую позицию. Это было не моё знание, не знание студентки-лингвиста. Это была мышечная память самой Лянь Шэн. *Интересно. Значит, оригинальная хозяйка тела всё-таки тренировалась. Просто... недолго или без веры в себя.*

Упражнения были простыми — удары, блоки, шаги. Моё тело откликалось с неожиданной податливостью, будто жаждало движения. Оно было слабым, да, но не беспомощным. В его реакциях сквозила неплохая база, загубленная годами пренебрежения.

— Медленно. Неуверенно, — констатировал Учитель Бо, и его слова повисли в воздухе, словно удары плетью. — Но основа есть. Не испорчена полностью.

«Спасибо, наставник, ваша лесть согревает мне душу в этот пасмурный денёк», — пронеслось у меня в голове, в то время как я с почтительным видом склонила голову.

После тренировки, когда адреналин начал отступать, Юй Лин отвела меня в уединённый сад. Здесь, в тени старых клёнов, пахло влажной землёй и цветами. Она протянула мне шкатулку. Та самая. Её голубоватое свечение казалось сейчас чуть ярче, словно она реагировала на мою усталость, на

пот, на попытку этого тела стать сильнее.

— Миледи, будьте осторожны, — тихо сказала Юй Лин, глядя на артефакт. — Некоторые вещи притягивают взгляды тех, кому не следует.

Я кивнула, прижимая шкатулку к груди. Она была не просто «роялем в кустах». Она была ключом. И мне нужно было найти замок.

Именно в этот момент в саду появился он. Молодой наставник по культивации. Высокий, гибкий, с пронзительным взглядом, который, казалось, видел больше, чем следовало. Мой внутренний интерфейс тут же выдал справку: *«Молодой наставник. Имя: Ли Вэй. Талантлив. Осторожен. Отношение: Любопытство. Уровень опасности: Низкий (потенциальный союзник).»*

— Добрый день, Лянь Шэн, — его улыбка была лёгкой, но в уголках глаз таилась тень усталости. — Учитель Бо попросил меня помочь вам с основами циркуляции ци. Вы... производите впечатление человека, чей потенциал нуждается в направлении.

«Или человека, чьё присутствие вызывает слишком много вопросов», — подумала я, но вслух лишь вежливо поблагодарила.

Мы начали с дыхательных упражнений. Я старалась следовать его указаниям: вдох — выдох, направлять поток ци в нижний даньтянь. Сначала ничего, кроме легкого головокружения от глубокого дыхания. А потом... потом я почувствовала его. Едва уловимое, тёплое покалывание где-то в глубине живота. Оно было слабым, будто пережатым, но оно *было*.

— Неплохо, — прокомментировал Ли Вэй, наблюдая за мной. — Ощущаете поток?

— Что-то вроде... тёплой ниточки, — с осторожностью ответила я. — Но она будто пережата. Не может течь свободно.

Его брови чуть приподнялись. В глазах мелькнул интерес. — Интересное наблюдение. Обычно новички не чувствуют таких нюансов. Возможно, у вас есть склонность к тонкому восприятию ци. Или... — он не договорил, но его взгляд стал чуть более пристальным.

И тут в сад вошла она. Лян Та. Её появление было подобно внезапному заморозку, убивающему все цветы. Холодный аромат дорогих благовоний опережал её.

— Лянь Шэн, — её голос был сладок, как сироп, и так же ядовит. — Как прилежно ты занимаешься... в саду. Не находишь, что время для безделья выбрано крайне неудачно? У клана есть правила. И долг.

Я опустила голову, собирая в кулак всю свою волю, чтобы не скривиться.

— Госпожа, я лишь следовала указаниям наставника, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Стремясь укрепить тело и дух для служения клану.

— Хмм... — она медленно обвела взглядом сад, будто оценивая его на предмет недостаточной полезности. — Стремление похвально. Но не забывай, что твоё место определяется не только личными устремлениями. Сегодня тебе надлежит провести утро у мемориала правил. Напомнить себе о субординации.

Когда она удалилась, оставив за собой шлейф ледяного высокомерия, я выдохнула. Ли Вэй стоял молча, его лицо было невозмутимо, но в глазах я прочитала нечто вроде предупредительного сигнала. *«Будь осторожнее. Она теперь обратила на тебя внимание».*

Ритуал у мемориала был выверенным спектаклем. Гранитная стела, испещрённая иероглифами, возвышалась как символ незыблемости клановых устоев. Я монотонно повторяла правила, чувствуя, как каждое слово ложится на плечи дополнительным грузом.

«Честь клана превыше личных интересов».

«Особенно если ты внебрачная дочь, и твои интересы ни-

кого не волнуют», — язвил внутренний голос.

«Верность предкам и главе клана — основа нашего единства».

«Если, конечно, глава клана вообще помнит о твоём существовании».

Я украдкой наблюдала за окружающими. Ученики, старейшины, слуги — все играли свои роли в этом ритуале. И именно тогда, когда я почти начала скучать, я увидела *это*.

На самой вершине стелы, там, где камень встречался с небом, на мгновение проступил тёмный знак. Он был едва виден, будто нанесён тенью, но я узнала его очертания. В книге он появлялся лишь однажды — как предвестник масштабного вторжения, как первая трещина в фундаменте мира. **Знак Ху Яня.**

Он вспыхнул на секунду, словно почувствовав мой взгляд, и исчез. Никто другой не заметил ничего. Мир продолжал крутиться: старейшины важно кивали, ученики старательно твердили правила. Но для меня всё изменилось. Это было не просто нарушение канона. Это было послание. Но для кого оно?

Вечернее собрание в главном зале проходило в напряжённой атмосфере. Глава клана, Лян Чжэн, с каменным лицом

вёл обсуждение нападения на деревню. Голос его был ровным, но в воздухе витал страх.

— Демоны пришли извне. Случайная вылазка, — уверенно заявил Учитель Бо.

«О, если бы вы знали, какую "случайность" готовит для вас в будущем Ху Янь», — подумала я, сжимая руки в кулаки под столом.

И тогда поднялась Лян Та. Её выступление было шедевром коварства.

— Мы все скорбим о погибших, — начала она, и её голос звенел фальшивой скорбью. — Но не кажется ли вам, что некоторые из нас... слишком часто оказываются в эпицентре бедствий? — Её взгляд, острый как шило, уколол меня. — Может, стоит задуматься, не привлекают ли они беду своим... нестандартным положением?

Зал затих. Десятки глаз уставились на меня. В них читалось не просто любопытство, а готовность найти козла отпущения. Мой внутренний сарказм взбунтовался: *«Браво, мачеха! Превратить трагедию в обвинительный процесс — это талант»*.

Я поднялась. Голос мой был тихим, но каждое слово падало в гробовую тишину, как камень.

— Госпожа Лян Та права. Я действительно оказалась в

центре событий. Но я не привлекала беду. Я пыталась её остановить. — Я сделала паузу, давая словам просочиться в сознание слушателей. — Если бы не сопротивление наших людей, в том числе и тех, кого принято считать «слабыми», потерь было бы куда больше. Разве готовность стоять насмерть за земли клана — не высшее проявление чести и верности его правилам?

На лицах некоторых старейшин мелькнуло смятение. Лян Та на секунду потеряла дар речи, её идеальный макияж не смог скрыть легкой судороги у рта. Даже Лян Чжэн посмотрел на меня с нескрываемым удивлением. В его потухших глазах на мгновение вспыхнула искра чего-то, похожего на уважение.

— Слова требуют подтверждения делами, Лянь Шэн, — произнёс он, но в его тоне уже не было прежней суровой безэмоциональности.

После собрания, на выходе, я столкнулась с Сяо Фэем. Он стоял в тени колонны, его лицо было мрачным, но в глазах горел знакомый огонь решимости.

— Меня попросили рассказать о нападении, — тихо сказал он. — Но рассказывать — не значит что-то изменить. Я буду тренироваться. Стану сильнее. Настолько, чтобы никто больше не погиб из-за моей слабости.

В его словах слышалось то самое начало пути героя, которое в романе казалось таким эпичным. Здесь же, в полумраке коридора, это звучало как обречённая клятва. И я поняла, что не могу позволить ему пройти этот путь в одиночку, как в книге.

Возвращаясь в свои покои, я снова прошла мимо мемориала. Стела стояла, безмолвная и величавая. Но теперь я знала — на её лице, обращенном к небу, остался невидимый шрам. Знак зла, которое уже здесь, внутри самых основ.

— Отлично, — прошептала я, глядя на тёмное небо. — Демоны у ворот, мачеха за спиной, герой на пороге гибели, а в придачу — злодей, который шлёт мне личные послания. Уровень сложности: «Адский». Что ж, Лянь Шэн, похоже, тебе предстоит не просто выжить. Тебе предстоит переписать правила этой игры.

Глава 5. Планы, чай и судьба на поправку

Вечер в клане Лян напоминал не просто затишье перед бурей, а затянувшуюся паузу, где каждый звук отзывался эхом грядущих перемен. Я сидела у окна, сжимая в руках чашку откровенно паршивого чая — видимо, клан экономил на всём, что касалось «второсортной» дочери. Шкатулка на моих коленях излучала лёгкое, настойчивое тепло, словно топя. А в голове прокручивались страницы украденного будущего, и одна мысль звучала настойчиво: канон мертв. Мы входим в территорию непредсказуемого.

В романе всё было логично, как часы: Ху Янь методично собирал силы, Сяо Фэй годами шлифовал основы в своей деревне, артефакты появлялись строго по расписанию. Теперь же часы дали сбой. Смерть дяди Сяо, знак на мемориале, шкатулка в моих руках на годы раньше срока — всё это были трещины в фундаменте мироздания. Но в этом хаосе таился и мой шанс. У меня было время. Те самые «годы тренировок героя», которые в книге пролетали парой глав.

«Годы тренировок героя»... Звучало как эпичный квест.

На деле же для меня это означало ежедневную партизанскую войну за выживание в стенах собственного дома, где улыбка мачехи была острее любого клинка.

Я отхлебнула чай и поморщилась. Сарказм становился моим главным щитом против отчаяния.

— Что ж, — пробормотала я, глядя на шкатулку, — пора составлять *«План Лянь Шэн»*. Версия *«Выжить, не сойдя с ума»*.

Без бумажек, без конспектов — просто в голове. Во-первых, нужно выяснить, какие таланты у этого тела. Может, оно скрывает в себе нечто ценное, а я пока только зря жаляюсь. Во-вторых, Сяо Фэя нужно подстраховать. Я не собираюсь растить его в тепличке, но хотя бы помочь пройти этот путь без лишних трагедий — почему бы и нет? И, наконец, союзники. Одной против клана, демонов и сценария я не протяну.

План казался простым, как детская считалочка. Но я-то знала, что за этой простотой скрывается адская работа.

Шкатулка вдруг дрогнула, и на мои колени выпал узкий свиток. Всего два иероглифа, выведенные с изящной безжалостностью:

«Корни. Найди корни.»

— О, великолепно! — я фыркнула. — «Найди иголку в

стоге сена, предварительно найдя сам стог». Спасибо за конкретику.

Я уставилась на надпись. Отличный квест: неясный, загадочный и, скорее всего, опасный. Словно вселенная решила сыграть со мной в шарады.

Я снова сделала глоток чая (и снова пожалела об этом). Но настоящая проблема была в другом. Сяо Фэй завтра собирался вернуться в деревню и начать свою долгую, унылую как зимняя диета, тренировку. По книге он должен просидеть там несколько лет.

И тут я вспомнила о другом клане, который встречался в романе позже. Клан Циньшань. Небольшой, но гордый, он стоял всего в нескольких ли отсюда, ближе к восточным горам. По сюжету Сяо Фэй всё равно оказывался там, но только спустя пару лет. Именно там он впервые находил учителя, который учил его правильно управлять дыханием и давал ключевые техники.

А если... подсказать ему об этом месте сейчас?

Я улыбнулась. Если сделаю это ненавязчиво, то это не будет вмешательством в духе «привет, вот вам путеводитель героя». Это будет всего лишь «совет подружки», на который можно не обратить внимания. А если обратит — сэкономит

пару лет жизни и нервов.

Главное — подать идею так, будто она случайно сорвалась с языка.

Я поставила чашку, посмотрела на шкатулку и сказала:

— Ну что, сыграем в «кукольный театр судьбы»?

Шкатулка, конечно, промолчала. Но в её молчании я почему-то слышала ехидное: *«Сама напросилась»*.

Я застала Сяо Фэя во дворе, где он привычно махал мечом. Точнее, тем, что клан называл «мечом», но по виду это было скорее неуклюжее железо для распугивания кур. Пот струился по его лбу, он, стиснув зубы, продолжал повторять движения, словно собирался вырезать на воздухе целую библиотеку.

— Ты так усердно машешь, будто хочешь поскорее разогнать зиму, — заметила я, облокотившись о перила.

Он бросил быстрый взгляд, покраснел и смутился:

— Я... просто хочу быть сильнее. Если бы у меня был талант, как у других, всё шло бы быстрее.

— Сила — не всегда в скорости, — заметила я, делая вид, что разглядываю облака. — Иногда — в правильном направлении. Слушай, я тут на днях в старых свитках наткнулась на любопытное упоминание. Есть, говорят, на востоке, у подножия гор, маленький клан Циньшань. Небогатый, непримет-

ный. Но ходят слухи, что их старейшины умеют работать с теми, кого другие списали со счетов. Находят скрытые таланты, учат не шаблонам, а сути.

Сяо Фэй насторожился.

— Циньшань? Никогда не слышал.

— Ну ещё бы, наш клан предпочитает делать вид, что кроме него ничего достойного не существует, — пожалала я плечами. — Но если верить слухам, в Циньшане собирают даже тех, у кого «нулевой потенциал», и делают из них что-то полезное. Иногда даже героев.

Я специально сказала «героев» с лёгкой усмешкой, будто это шутка, а не пророчество.

Он задумался, опустил меч и провёл пальцами по эфесу.

— Думаешь, мне стоит туда пойти?

— Ой, да я вообще ничего не думаю, — отмахнулась я театрально. — Просто болтаю, чтобы чай в голове не закипел. Но если вдруг решишь, то... кто знает? Вдруг у них действительно есть методика, которая сэкономит тебе пару лет махания железкой.

Сяо Фэй усмехнулся, впервые за вечер искренне.

— Ты странная, Лянь Шэн. Обычно все говорят мне «терпи и тренируйся», а ты советуешь искать другие пути.

В ответ я просто и лениво пожала плечами, не стала отвечать на комментарий и быстро притворилась, что мне пора спать, ушла к себе.

— Вот и всё, — пробормотала я. — Герой пошёл своей дорогой, а мне досталась сцена с мачехой, тренировками и загадками. Великолепно.

Я плюхнулась на кровать, глядя в потолок. За окном ночные светлячки, как миниатюрные лампадки, расставили своё дежурство. В голове вертелись «корни, найди корни», клан Циньшань, правила, злодей, который ещё не показал лица. Всё это превратилось в коктейль, который не дают ни в одном баре, и пить его предстояло мне.

— Ну и сюжет, — вздохнула я. — Ладно. Спим. Завтра начнём операцию **«Выжить и не сойти с ума»**.

Утро выдалось неожиданно ясным. Солнце разлило по двору янтарь, будто решило: «ну хоть на прощание сделаем вид, что всё хорошо». Сяо Фэй собрался и стоял у ворот с тем же свёртком, в котором была пара книг, мешочек с травами и его решимость. Я вышла проводить его.

— Смотри, не загоняй себя до полусмерти, — сказала я, стараясь звучать так, будто это простое вежливое пожелание,

а не «пожалуйста, не погибни пораньше, у меня на тебя планы». — И... если вдруг решишь, что деревня — это скука, вспомни про мой совет насчёт Циньшань.

Он кивнул серьёзно, но в глазах мелькнула та самая искра, что была у книжного героя.

— Я запомню. И спасибо тебе...

Но когда его фигура растворилась в утренней дымке, я почувствовала странную смесь гордости и тревоги. Первая костяшка домино была поставлена. Теперь очередь за мной.

После прощания с героем я вернулась в комнату, где меня уже ждала шкатулка. Лежала она на подоконнике невинно, как кот, только что уронивший вазу: молчала, но всем видом показывала — «ну что, теперь твоя очередь вляпаться».

— Корни, найди корни... — пробормотала я. — Корни чего? Деревя? Лука? Или моих мозгов?

Ответа не последовало. Пришлось искать самой.

Так и вышло. Через пару дней я оказалась в библиотеке клана. Это громко сказано — «библиотека». На деле помещение напоминало склад, куда вечно ленивые ученики сваливали свитки в надежде, что «потом разберём». Пыль стояла такая, что казалось, духи воздуха сами уже выучили пару

техник культивации.

Я рылась в свитках часами, пока, наконец, не наткнулась на запись, затерянную между «методиками дыхания для начинающих» и «пособием по правильному выращиванию духовных бобов»: *«Запечатывание корней ци»*.

Свиток был старый, с выцветшими чернилами, но достаточно чёткий, чтобы я успела выругаться про себя. Там говорилось о запечатывании корней духа. Тонкая техника, позволяющая скрыть или заблокировать природный дар к культивации. Причины могли быть разными: от наказания до зависти. А снять печать — дело почти невозможное без особых знаний.

Я перечитывала абзац за абзацем, пока не дошло: это тело не было бездарным от рождения. Его сделали таким.

— Вот же гады... — буркнула я, отдуваясь от пыли. — А я-то думала, что у меня руки-крюки, а это всё саботаж.

Кто мог запечатать? Мачеха сразу вылезла в мыслях на первое место, как кошка на стол. Но... не факт. Может, кто-то из старших ради собственных интриг. А может, и сама моя родная мать ещё до смерти что-то намудрила.

Факт оставался фактом: у тела были корни. Просто они были... заперты.

И с этого момента начались мои подпольные курсы «как взломать собственную судьбу без гарантии на возврат денег».

Если честно, поначалу всё шло медленно, как улитка в отпуске. Я пыталась медитировать — получала головную боль. Пробовала дышать по техникам — засыпала. Делала упражнения для циркуляции ци — максимум получала синяк от падения. Каждое утро начиналось с медитации, каждую ночь я сидела со свитками, как студентка перед экзаменом, и пробовала снова и снова.

Но постепенно я начала замечать: при определённых звуках и в определённых местах тело реагировало иначе. Как будто за тонкой стеной что-то отзывалось. Я записывала каждую мелочь, каждую искру, складывала их в мозаику.

Параллельно шла «холодная война» с мачехой. Её выпадки становились тоньше. Однажды она «случайно» подменила мой тренировочный свиток на «Руководство по выращиванию редиса». Представьте картину: все ученики медитируют, а я с невозмутимым видом изучаю, что «редис предпочитает рыхлую, хорошо удобренную почву». Я не стала возмущаться. Вместо этого на следующем собрании, когда она попыталась уколоть меня за «недостаток усердия», я вежли-

во поинтересовалась, не связаны ли её заботы о моем образовании с недавними проблемами в клановых огородах, намекнув на её переписку с садовником. Старейшины хмыкнули, а мачеха на несколько дней замолчала.

Или другой случай: она велела дочерям «показать мне дорогу» до храма. Я пришла... в свинарник. Честное слово, если бы не моя память о книге, я бы решила, что это так и задумано — мол, «свиньи тоже духовные существа, почтите их».

Младшая сестра, Лян Мэй, стала неожиданным союзником. Искренняя и простодушная, она не понимала подковерных игр. Она могла заговориться и проговориться о планах матери или сестры. Я не манипулировала ею — просто слушала и иногда, в ответ, делилась безобидными секретами вроде места, где растут самые сладкие ягоды. Мы не стали подругами, но между нами установилось хрупкое перемирие.

Постепенно я обрала связи. Юй Лин стала моей правой рукой, тихой и эффективной. Молодой наставник Ли Вэй, сначала смотревший на меня с подозрением, начал задерживаться после занятий, чтобы обсудить тонкости циркуляции ци — мои «нестандартные» вопросы, рожденные знанием из другого мира, видимо, задели его профессиональное любопытство. Даже пара вечно недовольных учеников потя-

нулась ко мне — я выглядела «своей в доску», а не очередной блестящей наследницей. Жаль, конечно, того слугу Чжэнь Юна, который был со мной в том хаосе в деревне и не только сумел выжить, но и до клана довести... уволился... По слухам, он тогда понял цену своей жизни, как скучал по своей семье и вернулся к ним.

К концу первого месяца моего пребывания тут я смогла сделать то, что казалось невозможным. Я не сломала печать, но нашла в ней... трещину. Однажды, во время утренней медитации, когда луч солнца упал на меня под особым углом, я почувствовала не просто тепло, а короткий, обжигающий разряд, пробежавший по жилам. Он длился долю секунды, но это был прорыв. Печать была не монолитом. Её можно было сломать.

Эти моменты «просачивания» силы стали моим самым охраняемым секретом. Я училась их вызывать, контролировать, пусть и в микроскопических масштабах. Мои успехи в обычных тренировках тоже стали заметнее. Я уже не была той неуклюжей девочкой, которую все жалели. Движения стали увереннее, взгляд — твёрже.

Мои отношения с кланом изменились. Откровенных насмешек почти не осталось. Теперь на меня смотрели с любопытством, а кого-то — с растущей опаской. Я больше не

была невидимой. Я стала неудобной.

Лян Хуа, старшая сестра, чувствуя растущую конкуренцию, перешла от пассивной агрессии к точечным ударам. Она пыталась выставить меня виноватой в своих промахах на тренировках, подставляла на ритуалах. Но я, наученная горьким опытом, всегда имела алиби или находила способ красиво вывернуть ситуацию против неё самой. Мы не дрались на мечах, но наша дуэль взглядов и колких фраз стала притчей на языках.

Шкатулка временами выдавала новые подсказки — всегда загадочные, всегда обрывочные. Один раз это был символ, напоминающий сломанную цепь. В другой — слово «Память». Я складывала этот пазл, понимая, что разгадка близка.

И вот так — между смешными провалами, мелкими победами и вечными кознями мачехи — прошло еще два месяца.

Мачеха теперь относилась ко мне с осторожностью. Старшая, конечно, шипела за спиной, но в открытую пакостить перестала — пару раз я слишком удачно «вернула» их проделки. Младшая, Лян Мэй, всё время куда-то пропадала, влипая в неприятности, иногда заглядывала ко мне поболтать. Клан больше не видел во мне пустое место. Кто-то отно-

силлся с осторожным уважением, кто-то — с привычной завистью. Но если раньше меня можно было поддеть и не ждать ответа, то теперь я могла уколоть в ответ. Пусть не мечом — словом, пусть не кулаком — но ситуацией. Старейшины же начали смотреть на меня как на тихую загадку: *«что-то в этой девчонке есть, но что — непонятно»*.

Сяо Фэй за это время ушёл своей дорогой. Слухи о нём доходили до меня обрывочно. Он действительно заглянул в Циньшань. Его приняли. Он прогрессировал не по дням, а по часам. Каждая такая весточка согревала душу. Я не зря рисковала, меняя сюжет.

Значит, где-то там герой растёт, а здесь — я.

И знаете что? Мне это нравилось.

Пусть медленно, пусть шаг за шагом, но я тоже росла. Я не стала могучей культиваторшей. Но я стала *Лянь Шэн* — личностью, с которой вынуждены считаться.

Я подошла к зеркалу. Отражение смотрело на меня глазами, в которых читалась не наивность, а расчёт. Где-то там, в мире, рос герой, чью судьбу я изменила. А здесь, в стенах клана Лян, крепла его тень. Тень, которая больше не довольствовалась ролью статиста.

Глава 6. Внезапное «а вот и поворот!»

Три месяца тренировок, мелких пакостей от мачехи и титанических усилий по взлому собственной печати здорово отвлекли меня от одной простой мысли: сюжет — тот еще подлец, а главный злодей не дремлет. Оказалось, напрасно я расслабилась.

Моя маленькая отдушина в эти недели — тайные вылазки в город. Под предлогом «изучения трав» или «посещения скромного книжного склада» я сбегала из клана, чтобы вдохнуть воздуха свободы, пусть и пахнущего жареными лепешками, пылью и чужими проблемами. Сегодняшний вечер не стал исключением.

Мой наряд был шедевром конспирации, на которую настояла Юй Лин: простое серое ханьфу, потрёпанный плащ и соломенная шляпа с полупрозрачной вуалью, делавшей меня похожей на призрака, пережившего неудачный роман.

— Миледи, если вас узнают, клан устроит допрос с пристрастием, — шептала она, завязывая тесёмки плаща так туго, будто собиралась мумифицировать меня на месте.

— Как трогательно, — вздохнула я, пытаясь разглядеть мир через эту кисею. — Раньше я боялась демонов, а теперь дрожу при мысли, что меня узнает какой-нибудь торговец луком. Прогресс налицо.

Таверна «Уснувший дракон» встретила меня знакомым коктейлем ароматов: перегар, жареное мясо, влажное дерево и едкая нотка дешёвого табака. Я забилась в самый тёмный угол, заказала чай, который по вкусу напоминал воду после полоскания кистей для каллиграфии, и наострила уши. Здесь, среди пьяного гула и шёпота, рождались самые свежие слухи — куда более ценные, чем страницы любой книги.

И тут мой вечер резко перестал быть скучным.

— ...Говорят, Ху Янь уже поднял армию из четырёх соседних кланов демонов, — шипел краснолицый мужчина, расплёскивая тёмный эль. — Он захватил город на восточном перевале и заставил их служить ему. Слышала, даже легендарный дракон из северных гор подчинился!

Я чуть не подавилась невкусным чаем. В голове тут же возникла картинка: Ху Янь в блестящих доспехах, восседающий на спине огромного дракона, с армией демонов в строю, невозмутимо дирижирующий хаосом. Это был не просто слух. Это был апокалипсис по ускоренной программе.

Внутри меня шуршали мысли: «*Слушай, Лянь Шэн, как ты умудрилась забыть про главного злодея? И что теперь?*»

— А ещё ходят слухи, — понизила голос женщина, — что он раздобыл «Древние клинки стихий». Говорят, одним ударом такого можно стереть с лица земли целый клан.

Я едва сдержала саркастичный смешок. По канону эти клинки должен был найти Сяо Фэй на излёте своего пути, а не злодей в самом начале! Сюжет не просто изменился — он откровенно издевался над первоисточником.

— Вот это поворот, — пробормотала я, прикрыв лицо рукой, будто от духоты. — Мелкие пакости — это одно. Но построить империю зла, пока герой учится правильно держать меч? Это уже нечестно.

Но самый неприятный сюрприз ждал меня в конце.

— И самое главное, — доверительно прошептал кто-то за спиной, — он заключил союз с Кланом Теней с юга. Теперь у него шпионы повсюду.

У меня в груди похолодело. Клан Теней юга был своеобразным чит-помощником для главного героя, имел лишь роль поддержки, таким информационным бюро в трудную минуту. А теперь они переметнулись к злу? Перетягивание всех плюшек героя себе? *А морда не треснет у Ху Яня?*

По сюжету Ху Янь должен был в это время спокойно строить планы вторжения на северные деревни, не слишком торопясь, собирая редких демонов и устраивая интриги в пределах одной территории. Максимум — захват одного города на восточном перевале и пара стычек с местными демонами. Легендарный дракон? Клан Теней? Армия из четырёх соседних кланов? Всё это было гораздо масштабнее и куда более угрожающе, чем планировалось!

— Отлично, — прошептала я. — Выходит, «светлая жизнь внебрачной дочери» откладывается минимум на пару лет... или до появления дракона.

Я сделала глубокий вдох. Паника — плохой советчик. А вот сарказм и холодный расчет — мои верные друзья. Если сюжет пошёл вразнос, значит, и я могу играть без правил. Например, намекнуть Сяо Фэю: *«Ну, ты, главный герой, идёшь по своему темпу, а вот злодей свернул не на ту дорожку, да ещё и разогнался так, что сюжет сломал, решив не тратить время на формальности и сразу перейти к фазе "тотальное уничтожение"»*. Но намёк надо сделать ненавязчиво. Совсем немного. Как чайная ложка сахара в безвкусном бульоне судьбы.

С этим утешительным планом я быстро допила свою бурду, расплатилась и вышла на улицу, озадаченная, но не сломленная. Теперь у меня была новая цель: найти способ ненадолго сбежать из клана и «случайно» столкнуться с Сяо Фэем где-нибудь в Клане Циньшань. Повод нарисовался сам собой: поездка за редкими травами для «ослабленной ци» — звучало правдоподобно и ни у кого не вызовет лишних вопросов.

Но Вселенная, как выяснилось, обожает драматические моменты. Едва я переступила порог клана, готовясь к заваршнему побегу, как воздух прорезал низкий, гулкий звук гонга. Не обычный призыв к ужину, а тот самый, тревожный, что был лишь тогда, когда случалось нечто из ряда вон.

К мемориалу правил уже бежали люди. Юй Лин, бледная как полотно, схватила меня за рукав.

— Миледи! Всех созвали к мемориалу! Немедленно!

Первая мысль: *«Поймали. Спалили мои тайные вылазки»*. Но настоящий шок ждал впереди. На вершине гранитной стелы, там, где были высечены священные правила клана, от самого основания и до вершины, зловещим рубином горел тот самый знак. Знак Ху Яня. Тот, что раньше видела только я. Теперь его видели все.

Он был огромным, сложным, и его тёмно-багровые линии словно пульсировали, пожирая солнечный свет. Вокруг царила гробовая тишина, нарушаемая лишь шёпотом старейшин. Мачеха стояла с каменным лицом, но в её глазах читалось нечто похожее на удовлетворение. Глава клана, Лян Чжэн, смотрел на знак с беспрецедентной суровостью.

— Это предзнаменование, — прошептал один из старейшин. — Такие знаки не появляются просто так. Это вызов.

— Нужно послать к мастеру по знакам на гору Тай-Юнь, — добавил другой. — Только старец Тай-Юнь сможет расшифровать это послание тьмы.

Лян Чжэн медленно кивнул.

— Магические каналы нарушены. Духи не отвечают. Нужны живые посланники. Кто-то должен отправиться в горы и доставить мастера сюда.

Началась привычная возня. Все хотели решить проблему, но никто не хотел рисковать своими шкурами. Предлагали кого угодно — от самых неудачливых учеников до престарелых слуг, — лишь бы не трогать «ценные кадры».

И тут в моей голове щёлкнуло. Мой скромный побег за травами мерк перед этим блестящим шансом. Официальная миссия! Прикрытие! И прямая дорога к человеку, который, возможно, знает что-то о снятии печатей!

Я сделала шаг вперёд, подняв руку с видом кроткой самоотверженности.

— Милостивые старейшины, — начала я голосом, полным почтительной дрожи. — Если вы не хотите рисковать лучшими из лучших... позвольте мне отправиться. Я изучала горные тропы. Я скромна и неприметна. И... у меня есть личные дела в том направлении, — добавила я, слегка опустив голову, намекая на свои «травяные» надобности.

Повисла пауза. Старейшины переглядывались. Мачеха смерила меня холодным взглядом, оценивая риски: с одной стороны, избавиться от меня на время, с другой — если я справлюсь, это добавит мне очков. Расчёт был на её лице, как на счетах.

— Почему ты? — сухо спросил Лян Чжэн. В его глазах читалось не столько недоверие, сколько любопытство.

«Потому что я внебрачная, и меня не жалко», — пронеслось у меня в голове. Вслух же я сказала:

— Потому что моё отсутствие не ослабит клан. А моё рвение послужить ему — искренне.

— Хорошо, — резко заключил глава клана. — Ты идешь. Но не одна. Учитель Бо и двое учеников будут сопровождать тебя. Отчитываешься каждые два дня.

— Как прикажете, — склонилась я в почтительном покло-

не, внутри ликуя. План «Побег» успешно трансформировался в план «Официальная командировка с приключениями».

Так я оказалась выбранной — официально и подчёркнуто «неважной», что было даже забавно. Мы должны были отправиться на рассвете, мне выдали снаряжение: походный плащ, мешок с провиантом, карту, на которой горы выглядели как зубья гигантской пилы. Юй Лин на прощание подала мне мешочек с пахучими травами и тоном, в котором слышалось: *«Если вернёшься — буду считать это личной победой»*.

Я спрятала свою таинственную шкатулку в походную сумку, чувствуя, как сердце колотится в предвкушении.

— Ну что ж, — прошептала я, глядя на загорающиеся на небе звёзды. — Если по пути меня не съедят демоны, не раздавят горные обвалы и не доведёт до белого каления Учитель Бо, то, возможно, я успею спасти мир. Или хотя бы слегка его подрихтовать. Неплохой план для второстепенной героини.

Глава 7. Шёпот шкатулки и тени на пути

Рассвет застал меня в состоянии, среднем между боевой готовностью и желанием зарыться обратно в одеяло с криком «я передумала!». Но путь героя — или, в моём случае, пути второстепенной героини, вляпавшейся в сюжет с головой, — редко учитывает личные предпочтения. У ворот, как и ожидалось, меня ждал наш весёлый отряд.

Учитель Бо стоял неподвижно, словно его только что высекли из гранита по случаю вылазки. Рядом — двое учеников, братья Ли. Мой внутренний интерфейс любезно представил досье:

«Ли Чжан. Старший брат. Прагматик, суров. Считает миссию наказанием. Уровень опасности: Низкий (союзник поневоле).»

«Ли Юэ. Младший брат. Невротик, вечно ожидает катастрофы. Уровень опасности: Ниже нуля (скорее обуза).»

«Великолепно, — мысленно фыркнула я, поправляя перекинутый через плечо скромный свёрток. — Мой эскорт: один монумент, одно воплощение суровости и одна ходячая паника. Беседы предстоят душевные».

— Правила просты, — голос Учителя Бо разрубил утрен-

ний воздух, словно клинок. — Идём быстро, без лишних остановок. Ты, Лянь Шэн, не отстаёшь, не задаёшь вопросов и не привлекаешь внимания. Твоя задача — быть тенью.

— Как прикажете, мастер, — почтительно склонила я голову, мысленно добавив: *«...если только внимание само не придёт ко мне в гости, прихватив с собой парочку демонов».*

Первый день пути прошёл в монотонном ритме: шаг, ещё шаг, редкие привалы и ледяные взгляды Учителя Бо, который, казалось, видел насквозь не только меня, но и мои крамольные мысли. Я молчала, как рыба, и старалась выглядеть как можно более незаметной. Но внутри всё кипело. Каждый шаг по незнакомой дороге был наполнен смыслом. Я с жадностью впитывала каждую деталь: изгибы горной тропы, пение незнакомых птиц, странные очертания скал, напоминающие спящих великанов. Этот мир, который я знала лишь со страниц книги, теперь окружал меня, и он был бесконечно сложнее, живее и опаснее любого описания.

С наступлением сумерек мы разбили лагерь на опушке леса. Пока братья Ли возились с костром, а Учитель Бо медитировал, уставившись в пламя, я улучила момент и ускользнула на край поляны под предлогом сбора хвороста. Достав спрятанную шкатулку, я прикоснулась к резной крышке. Дерево было тёплым, почти живым. Оно отозвалось лёгкой вибрацией, и в сознании проступили знакомые строки:

«Шкатулка Забвения. Статус: Активна. Предупрежде-

ние: События могут ускориться. Будь настороже.»

— Спасибо, дорогая, — прошептала я. — Как будто знак Ху Яня на мемориале — это признаки размеренной и спокойной жизни.

На следующий день мы углубились в предгорья. Пейзаж изменился: дружелюбные равнины сменились крутыми подъёмами и неприветливыми каменными осыпями. Воздух стал разрежённым и холодным. Именно здесь, на одной из узких троп, висящей над глубоким ущельем, нас и поджидала первая настоящая опасность.

Вечером второго дня, сидя у костра, я наблюдала, как огонь играл на напряжённых лицах учеников. Завтра мы должны были достичь земель клана Циньшань. Я мысленно репетировала свою «случайную» встречу с Сяо Фэем, обдумывая, как вернуть в разговор намёк о надвигающейся буре.

И тут... из сгустившейся темноты между деревьями вышли они. Бесшумно, как призраки. Не демоны, не простые разбойники. Небольшой отряд, закутанный в тёмные, без опознавательных знаков одежды. Их лица скрывали маски, а движения были выверенными и механическими, словно ими управляла одна воля. Мой внутренний интерфейс, обычно такой болтливый, выдал лишь раздражающую ошибку:

«Неизвестные. Роль: ??? Опасность: Высокая. Принадлежность: Скрыта.»

— Вам что-то нужно? — голос Учителя Бо прозвучал ров-

но, без единой нотки угрозы, но его поза говорила сама за себя. Он был как сжатая пружина.

Незнакомцы не ответили. Они просто атаковали. Молниеносно и беззвучно.

Я застыла на месте, застигнутая врасплох скоростью и жестокостью нападения. Братья Ли с боевыми кличами, в которых слышалась скорее паника, чем ярость, бросились вперёд, скрестив мечи с клинками нападавших. Но Учитель Бо... Учитель Бо двигался как стихия. Его посох, обычно служивший опорой, превратился в грозное оружие. Он не просто парировал удары — он предвосхищал их, его движения были лишены всякой избыточности, только чистая, смертоносная эффективность. Он не дрался — он проводил мастер-класс по выживанию.

Весь бой длился не больше пары минут, но каждая секунда казалась вечностью. Я, отскочив за валун, оценила ситуацию: *«Двое на одного — плохие шансы. Но Учитель Бо... он словно знает, откуда придёт удар»*. Шкатулка в моей сумке отозвалась короткой, тревожной вибрацией. *«Спасибо, кэп»*, — мысленно огрызнулась я.

Когда последний из нападавших, получив сокрушительный удар посохом в грудь, отлетел в темноту, а его товарищи растворились в лесной чаще так же внезапно, как и появились, наступила звенящая тишина. Ли Юэ, младший из братьев, тяжело дышал, вытирая кровь с рассечённой брови.

— Кто... кто это был? — выдохнул он, и в его голосе слышалось неподдельное потрясение.

— Тени, — коротко бросил Учитель Бо, его взгляд был тяжёлым, как свинец. Он осматривал окрестности, будто пытался пронзить взглядом самую тьму. — Разведчики. Или убийцы. Их прислали, чтобы проверить нашу силу. Или чтобы мы не дошли до цели.

Я замерла, стараясь, чтобы на моём лице читался лишь испуг, а не стремительный бег мыслей. *«Тени... Те самые, что теперь служат Ху Яню. Значит, знак на мемориале был не просто посланием, а объявлением войны. И они уже здесь».*

На следующее утро мы, наконец, добрались до скромного постоянного двора у подножия гор. Под предлогом покупки припасов я увильнула от бдительного ока Учителя Бо и, сердце которого колотилось как сумасшедшее, бросилась вниз по тропе, ведущей в соседнюю долину. Я бежала, не обращая внимания на колючие ветки, хлеставшие по лицу, и камни, норовящие подставить подножку. Через час, запыхавшаяся, с пылающими щеками, я выбежала на окраину поселения. Клан Циньшань.

Он был полной противоположностью моему родному клану. Никаких высоких стен, никаких напыщенных ворот. Лишь аккуратные деревянные дома, утопающие в зелени, дымок из труб, пахнувший кедром, и атмосфера спокойного уюта. А на тренировочной площадке у ручья я увидела его.

Сяо Фэй.

Он изменился. Исчезла угловатость деревенского парня. Его плечи стали шире, осанка — увереннее, взгляд — спокойнее и острее. Он отработывал комплекс движений с деревянным мечом, и в его пластике была не просто сила, но и глубокая, выстраданная гармония. Рядом с ним стоял мужчина постарше с мудрыми, внимательными глазами — его новый наставник.

Я замедлила шаг, стараясь перевести дух и поймать его взгляд. Когда он заметил меня, на его лице сначала мелькнуло изумление, а затем — тёплая, искренняя улыбка.

— Лянь Шэн! — воскликнул он, опуская тренировочный меч. — Что ты здесь делаешь?

— Сюрприз, — ответила я, стараясь говорить тихо и непринуждённо. — Решила проверить, не соскучился ли ты по изысканному обществу. Ты уже почти как герой из тех самых новелл.

— Герою ещё расти и расти, — он усмехнулся, но в глазах читалась серьёзность. — Но здесь... здесь всё по-другому. Учат не просто драться, а чувствовать. Понимать течение ци, а не просто подчинять его.

У меня сжалось сердце. Он был так искренен в своём стремлении, так далёк от знания, что является пешкой в чужой игре, которую я пытаюсь переиграть.

— Я рада за тебя, — сказала я, и это была чистая правда.

— Но слушай, у меня мало времени. Я здесь... неофициально. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я оттащила его в тень раскидистого дерева, подальше от любопытных ушей.

— Слушай, — начала я, придавая голосу лёгкость, будто делюсь сплетней. — По слухам, на горизонте маячит нечто... масштабное. Не просто банда разбойников, а нечто посерьёзнее. Типа... ну, знаешь, «зловещая угроза вселенского масштаба», — я выдержала паузу, чтобы мои слова не звучали слишком пафосно.

Сяо Фэй нахмурился.

— Угроза? Ты имеешь в виду демонов? Или... что-то другое?

— Ничего конкретного! — поспешно парировала я, снова надевая маску лёгкости. — Просто... будь повнимательнее, ладно? Держи глаза открытыми. Не доверяй слепо новым лицам. И помни, что опасность иногда носит маску союзника. Просто... мне передали... что зло развивается слишком быстро...

Он внимательно смотрел на меня, и в его глазах читалось не просто любопытство, а зарождающееся понимание. Он что-то уловил — не всю картину, но её тень.

— Хорошо, — наконец кивнул он. — Я буду в настороже. Спасибо, Лянь Шэн.

Мы ещё немного поговорили о пустяках — о тренировках, о здешних травах, о том, как изменился вкус воды из ру-

чья. Я следила, чтобы разговор оставался непринуждённым, вплетая предупреждение в ткань обычной беседы.

— Ладно, — наконец сказала я, с сожалением глянув в сторону, откуда пришла. — Мне пора. Меня хватятся.

— Подожди, — начал он, но я уже сделала шаг назад, моя улыбка снова стала той самой, «ненастоящей», за которой можно спрятать тревогу.

— Увидимся! — бросила я через плечо и, развернувшись, почти побежала обратно к тропе.

Сердце всё ещё билось часто, но на душе стало легче. План выполнен. Семя предупреждения посеяно. Герой предупреждён, пусть и не знает, о чём именно.

И только когда я уже почти скрылась из виду, мельком бросив последний взгляд на уютные домики клана Циньшань, я заметила его. В глубокой тени между двумя домами стояла неподвижная фигура. Слишком смутная, чтобы разглядеть детали. Но из мрака чётко проступала одна деталь — холодная, отточенная улыбка. Улыбка, в которой не было ни капли дружелюбия, лишь тихое, уверенное обещание: «Я тебя вижу».

Я не стала останавливаться, не дала понять, что заметила наблюдателя. Но ледяная струйка пробежала по спине. Это все определенно становилось опаснее. И, что самое тревожное, казалось, у меня появился личный зритель.

Возвращение на постоянный двор далось мне тяжелее, чем побег. Каждый шаг отзывался в ногах свинцовой усталостью,

а в ушах всё ещё стоял тихий, размеренный голос Сяо Фэя. Я мысленно ставила галочку: «Миссия "Напугать героя намёком" выполнена». Вот только радости от этого не было. Лишь тягостное ощущение, что я только что подбросила дров в костёр, который и без того грозился спалить весь этот мир дотла. *«Ты только что виделась с главным героем, за тобой следят тени, а теперь надо делать вид, что просто собирала травы».*

Я с облегчением проскользнула в свою комнату, но долго наслаждаться покоем не пришлось. Вскоре в дверь постучали, и на пороге возникла неизменная тень Учителя Бо.

«Учитель Бо. Мастер боевых искусств. Статус: Напряжён. Подозревает неладное. Уровень опасности: Средний (если раскроет обман)»

— Завтра на рассвете выходим, — отчеканил он, не удостоив меня приветствием. Его взгляд скользнул по моей слегка растрёпанной одежде и запылённой обуви, но комментировать это он не стал. — К полудню будем у подножия Тай-Юнь. Готовься. Мастер знаков не любит ждать.

— Да, Учитель, — кивнула я, стараясь выглядеть устало-покорной, а не так, как будто у меня только что было тайное свидание с судьбой мира.

Когда он ушёл, в комнате повисла гнетущая тишина. Мысли вихрем проносились в голове: Сяо Фэй, тени, знак Ху Яня, завтрашняя встреча... Меня переполняла странная

смесь страха и азарта. Мне нужно было воздуха. Настоящего, не пропахшего пылью дорог и страхами.

Я же, чувствуя, что сейчас взорвусь от внутреннего напряжения, поднялась по скрипучей лестнице на третий этаж и вышла на узкий, выступающий над улицей балкон.

Вечерний воздух был тёплым и густым, пах дымом очагов, спелыми фруктами. Улица жила своей жизнью, не ведая о тнях, демонах и сломанных сюжетах. Дети с визгом носились между лавками, их смех был таким беззаботным, что на него больно было смотреть. Торговцы зазывали покупателей на последние товары, разносчик с паровыми булочками звенел колокольчиком. Женщины, собравшись у колодца, о чём-то оживлённо трещали. Картина идиллии, написанная на холсте повседневности.

И именно от этой нормальности у меня внутри всё сжалось в тугой, болезненный узел. Я вспомнила новеллу. Вспомнила описание городков и деревень, которые Ху Янь стирал с лица земли не из стратегической необходимости, а ради забавы. *«Огненные ливни, испепеляющие поля», «реки, окрашивающиеся в багровый цвет», «тишина, наступающая после детского крика»*. В книге это были просто строчки, заряженные драмой. Теперь, глядя на этих смеющихся детей, на старика, мирно курящего трубку на крылечке, я представляла эту картинку в красках. Этот хрупкий, спокойный мир мог быть обращён в пепел. Не потому, что он кому-то мешал,

а потому, что так захотелось вселенскому хаму с красными глазами.

И я... я была тут. Не просто читателем, сочувствующим со стороны. Я была частью этого. Шестерёнкой, которая пыталась крутиться против хода механизма. Сюжет не просто ускорился и свернул не туда. Он стал реальностью.

А ведь я так и не успела просто... отдохнуть. Опомниться. Всё это время я только и делала, что бегала, притворялась, строила планы и взламывала саму себя. Когда же мне было просто остановиться и спросить: «Какого чёрта? Понять, почему всё это происходит именно со мной. Почему студентка-лингвист, чья самая большая проблема — дедлайн по курсовой, оказалась в эпицентре борьбы за судьбы миров?»

Я сжала перила, чувствуя, как по щеке скатывается предательски горячая слеза. Тоска по моему миру, по запаху кофе, по глупым сериалам и надёжной предсказуемости жизни, ударила с новой силой. Здесь не было ничего привычного. Только интриги, опасность и груз ответственности, который я никогда не просила на себя вваливать. Я скучала по чувству... нормальности. По уверенности, что завтра будет похоже на сегодня, что самые страшные битвы происходят в твоей голове, а не на пороге дома.

— Ладно, хватит, — прошептала я себе. — Истерики никого ещё не спасали. Особенно в мире культивации. И смахнула слезу, злясь на собственную слабость. Реветь здесь было бесполезно. Это не вернуло бы меня домой.

Собравшись с духом, я развернулась, решительно направившись в свою комнату. Сон — вот что мне было нужно. Завтра горы, завтра встреча с мастером, который, я надеялась, сможет пролить свет на знак Ху Яня и, возможно, на мою проклятую печать.

Но Вселенная, кажется, решила, что я сегодня ещё недостаточно напугана. Проходя по коридору мимо лестницы, ведущей в общую таверну на первом этаже, я замерла. До меня донеслись обрывки разговора двух новых постояльцев — запыхлённых, с дорожными посохами, явно только что спустившихся с гор.

— ...да, сам видел, хижина пуста, — говорил один, хриплый от дорожной пыли.

Я застыла на месте, рука уже на ручке двери в свою комнату. Воздух словно выкачали из лёгких.

«Неизвестные путники. Статус: Озадачены. Информация: Под сомнением. Уровень опасности: Низкий (источник слухов)».

— ...говорю тебе, его там нет! — почти рыдал один из них, и в его голосе слышалась неподдельная дрожь. — Вся хижина перевернута, свитки разбросаны... а самого старца Тай-Юня и след простыл!

Мастер печатей... пропал. Тот самый, к кому мы так спешили. Тот, кто был нашей главной надеждой на расшифровку угрозы.

Я не стала дослушивать. Отшатнувшись от лестницы, я

почти бегом бросилась в свою комнату. Дверь закрылась с тихим щелчком, отрезая меня от гулких голосов внизу. Я прислонилась спиной к прохладной деревянной поверхности, сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание.

Вот и ответ. Не просто ускорение сюжета. Не просто масштабная атака. Кто-то методично убирает тех, кто может ему помешать. Или тех, кто может помочь мне.

Я подошла к окну и уставилась в ночь, но теперь за её тёмным бархатом мне виделось нечто иное — огромная, безжалостная паутина, в центре которой я оказалась не по своей воле.

— Ну что ж, — тихо прошептала я в темноту. — Похоже, завтра нас ждёт не встреча со спасительным мудрецом, а очередная порция загадок. И, скорее всего, новая порция проблем. Спокойной ночи, Лянь Шэн. Приятных снов о пропавших культиваторах и надвигающемся апокалипсисе.

Но сон, я знала, не придёт. Вместо него придут мысли. О детском смехе на улице. О красных глазах в темноте. И о том, что наша миссия только что превратилась из дипломатического визита в поиски пропавшего человека в самом сердце надвигающейся бури.

Глава 8. Наследник пепла

— Он умер месяц назад. А я его единственный внук.

Слова прозвучали с ледящей простотой, от которой по спине пробежали мурашки. Мои самые ужасные мысли, подпитанные вчерашними слухами, оказались не просто правдой — они уже успели покрыться пылью и стать историей.

А началось всё с того, что я всё-таки смогла уснуть. Ненадолго, всего на пару часов, но этого хватило, чтобы кошмары успели развернуться во всей красе: Ху Янь в образе торговца лепешками, Учитель Бо, читающий лекцию о пользе медитации в царстве мёртвых, и я, пытающаяся объяснить Сяо Фэю всю ситуацию на языке древних иероглифов. Проснувшись я с тяжелой головой и ощущением, что не спала вовсе.

Позвав служанку, я устроила небольшой ритуал омовения. Горячая вода смыла дорожную пыль и часть усталости, но не смогла смыть тревогу. Надевая чистое фиолетовое ханьфу — единственное напоминание о каком-то намёке на элегантность в этой жизни, — я чувствовала себя актрисой, готовящейся к самому важному и самому непредсказуемому спектаклю.

Лишь под утро я снова провалилась в короткий, беспокойный сон, из которого меня выдернул резкий, как удар хлыста, стук в дверь.

— Лянь Шэн! Выходи! Если через пять минут тебя не будет, уходим без тебя! — голос Учителя Бо не оставлял сомнений в серьёзности намерений.

«Великолепно, — подумала я, сгребая вещи в дорожную сумку. — Мой будильник — это человек, который при малейшем неповиновении готов оставить меня на растерзание местным демонам или, что ещё страшнее, скуке».

Я накинула свою верную соломенную шляпу, закрепив её так, чтобы она висела на спине, — мой скромный щит от любопытных взглядов. Внизу братья Ли уже уплетали завтрак с видом людей, которым всё равно, что есть, лишь бы поскорее двинуться в путь. Я присоединилась к ним, проглотила миску пресной каши, чувствуя, как каждый кусок комом встаёт в горле, и мы выдвинулись.

Дорога в горы была живописной и безжалостной. Сначала тропа вилась среди поросших мхом валунов и стройных бамбуковых рощ, воздух был напоён запахом хвои и влажной земли. Но чем выше мы поднимались, тем суровее становился пейзаж. Деревья скудели, уступая место голым, вы-

щербленным ветрами скалам. Тропа сузилась до козьей тропинки, висящей над пропастью, с которой открывался головокруглительный вид на утопавшие в дымке долины. Воздух стал разреженным и холодным, и каждый вдох требовал усилия.

Именно здесь, глядя на спину непоколебимого Учителя Бо, я в очередной раз обдумывала, говорить ли ему о вчерашних слухах. Мысли метались, как перепуганные птицы:

«Сказать? Так, Лянь Шэн, просто подойди и брякни: "Учитель, кстати, я вчера случайно подслушала, что мастер, к которому мы идём, возможно, мёртв". Он спросит: "Откуда ты знаешь?" И что я отвечу? "А так, ветер донёс"? Он тут же заподозрит, что я пытаюсь саботировать миссию, и, скорее всего, приставит ко мне Ли Вэя в качестве личного надзирателя. Лучше уж встретить врага лицом к лицу, чем получить выговор за паникёрство».

В итоге я решила промолчать. Риск показаться истеричной внебрачной дочерью перевешивал сомнительную пользу от преждевременного предупреждения.

После нескольких часов изматывающего подъёма мы наконец достигли цели. На небольшом горном плато, устроенном будто на ладони у небес, стоял скромный, почерневший от времени и непогоды домик. Его изогнутая черепичная

крыша поросла мхом, а деревянные стены покрылись глубокими трещинами. Но из трубы поднималась тонкая струйка дыма, и внутри явно кто-то был — до нас доносился звук передвигаемой мебели и негромкое шуршание.

У меня ёкнуло сердце. Значит, слухи были ложью! Мастер жив! Эйфория была короткой.

Учитель Бо, как всегда, действовал без лишних церемоний. Он шагнул вперёд и толкнул дверь, не постучав.
— Тай-Юнь! Старый лис, выходи! Это Бо!

Мы вошли вслед за ним. Внутри царил полумрак, пахло пылью, старой бумагой и чем-то ещё — горьковатым и неуловимым. И вместо ожидаемого седобородого старца наш взгляд привлёк другой человек.

Он стоял спиной к нам, разбирая грудку свитков на низком столе. Высокий, стройный, в простом, но качественном одеянии из тёмно-серой ткани. Когда он обернулся на наш шум, я замерла. Его лицо... оно не было старым, но на нём лежала печать знания, которого не должно быть у молодых. Длинные волосы цвета пепла, ни единого тёмного прядка, свободно ниспадали на плечи. А глаза... глаза были того же пронзительного серого оттенка, словно выточенные из утреннего тумана. Они были прекрасны и умны, но в их глубине таи-

лась холодная, отстранённая ясность, будто он видел не нас, а уравнения, из которых состоит мир.

И тут мой внутренний интерфейс, обычно такой болтливый, дал сбой. Вместо чёткой карточки в сознании вспыхнуло и погасло тревожное сообщение:

«Личность: ????. Роль: ????. Опасность: ????. Статус: НЕОПРЕДЕЛЕН.»

Пустота. Ничего. Как будто этого человека просто не существовало для моей «системы».

— Кто ты? — голос Учителя Бо прозвучал жёстко, в нём слышалось напряжение. — И где Тай-Юнь?

Незнакомец медленно отложил свиток в сторону. Его движения были плавными, почти экономными. Те самые серые глаза обвели нашу группу, на мгновение задержавшись на мне с таким любопытством, будто он видел не девушку в фиолетовом платье, а некий странный, редко встречающийся феномен. Потом его взгляд вернулся к Учителю Бо.

— Он умер месяц назад, — произнёс он тем самым голосом, ровным и безжизненным, который обрушил на меня всю тяжесть правды. — А я его единственный внук.

Тишина в хижине стала густой, как смола. Учитель Бо сжал кулаки, его челюсть напряглась. Братья Ли переглянулись в растерянности. А я чувствовала, как по моей спине снова бегут ледяные мурашки.

Слухи подтвердились. Мастер, наш последний шанс получить ответы, был мёртв. Но это пугало меня меньше, чем тот, кто стоял перед нами. Этот человек с пепельными волосами и глазами-туманами, о котором моё всезнающее «преимущество» не могло сказать ровным счётом ничего.

Слова повисли в воздухе тяжелым, звенящим грузом. И тогда случилось нечто, чего я никогда бы не ожидала от Учителя Бо — он дрогнул. Буквально. Его железная осанка сломалась, он отшатнулся назад, и, будто гора, давшая трещину, едва не рухнул на пол. Братья Ли, с глазами, полными ужаса, едва успели его подхватить под руки. Учитель глубже вцепился в свою трость, костяшки пальцев побелели.

— Что... что ты несешь? — его голос, обычно громоподобный, стал хриплым и сдавленным. Он смотрел на юношу с шокированным неверием, словно тот объявил, что небо упало на землю. — Как? От чего он умер?

Пепеловолосый мужчина оставался невозмутимым, лишь слегка пожал плечами. Но в глубине тех серых, бездонных

глаз я уловила слабый, далекий отсвет тоски — как будто он вспомнил что-то давно утраченное.

— Месяц назад его сразила странная хворь, — голос его был ровным, словно он читал доклад о погоде. — Не жар, не кашель. Просто... угасание. С каждым днем он слабел, будто свеча, догорающая без кислорода. Никакие снадобья не помогали. Он говорил, что это «ржавчина на душе». А потом... просто не проснулся.

Лицо Учителя Бо исказилось гримасой боли. Он закрыл глаза, его плечи обвисли. Он выглядел внезапно постаревшим и уязвимым. Я, опомнившись, быстро подставила ему единственную в хижине табуретку, помогая опуститься. Он не сопротивлялся, погружённый в горечь утраты и, вероятно, в воспоминания о своём старом друге.

Видя, что наш грозный лидер временно выбыл из игры, я поняла — надо брать инициативу. Планы рухнули, цель испарилась, но сидеть сложа руки было нельзя. Я перевела взгляд на загадочного внука и... наткнулась на его пристальный, изучающий взгляд. Эти серые глаза, казалось, просвечивали меня насквозь, выискивая каждую тайную мысль. Я непроизвольно вздрогнула, словно пойманная на месте преступления.

«Вздор, Лянь Шэн! — тут же отчитала я себя. — Чего ты боишься? Обычный парень. Ну, с необычными глазами. Ну, с подозрительно хорошей осанкой. И чьё существование мои карточки отказываются признавать... О, чёрт. Но этот... он не похож на Ху Яня. В нём нет той демонической надменности. В нём... пустота. Или тишина. И то, и другое пугает».

Собрав волю в кулак, я сделала шаг вперёд, скрестив руки на груди, пытаюсь изобразить уверенность, подобающую дочери клана — пусть и внебрачной.

— Раз уж мы представились обстоятельствами, а не друг другу, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и холодно, — то позвольте спросить, как к вам обращаться?

Он перевёл взгляд с Учителя Бо на меня, и в его глазах мелькнула тень интереса, словно учёный увидел новый, неклассифицированный вид насекомого.

— Меня зовут Янь Лу, — ответил он, и его имя прозвучало как шёпот пепла. — А теперь мой вопрос: зачем вы сделали такой путь? Вряд ли лишь для того, чтобы выразить соболезнования с месячным опозданием.

Янь Лу... «Пепельная дорога». Зловеще-поэтично.

— У нас был к мастеру Тай-Юню важный вопрос, — уклончиво ответила я, не собираясь выкладывать все карты

о знаке Ху Яня и мемориале. — Касающийся... неких аномалий.

Янь Лу спокойно пожал плечами.

— Мой дедушка был хорошим учителем. Он успел многому меня научить. Возможно, я смогу вам помочь.

И тут Учитель Бо, будто очнувшись от кошмара, резко поднялся с табуретки. Горечь в его глазах сменилась привычной яростью. Он снова указал на Янь Лу пальцем, и этот жест был полон обвинения.

— Кто ты такой, чтобы так говорить?! — проревел он. — Почему мы должны тебе верить? Откуда нам знать, что ты не вор, не самозванец, который ограбил хижину и придумал эту историю о смерти старца?!

«Ого, — мелькнуло у меня в голове. — А ведь логично. Мы и правда принимаем его слова на веру. Учитель Бо, несмотря на шок, не потерял бдительности. Надо запомнить этот приём: сначала обвини в мошенничестве, а потом разбирайся».

Янь Лу в ответ лишь удивлённо приподнял бровь. Он выглядел не оскорблённым, а скорее заинтригованным этим всплеском эмоций. Медленно, не сводя с Учителя Бо своего пронзительного взгляда, он протянул руку к своему по-

ясу и достал небольшой нефритовый амулет, подвешенный на шнурке из сплетённых кожаных полос. Амулет был простой формы, но на его поверхности были вырезаны сложные, словно бы живые, знаки, которые слабо светились изнутри мягким зелёным светом.

— Этот амулет, — произнёс Янь Лу, держа его так, чтобы все видели, — нельзя отнять силой. Он подчиняется только воле хозяина и может быть передан лишь добровольно, в момент полного осознания. — Он перевёл взгляд на Учителя Бо, и в его голосе впервые прозвучала некая... твердь. — Мастер Тай-Юнь передал его мне за несколько часов до того, как его дух покинул этот мир. Он знал, что уходит. И он доверил это мне. Теперь вы верите, или вам нужны ещё доказательства?

Слова Янь Лу, подкреплённые светящимся амулетом, повисли в воздухе неопровержимым фактом. И эта тяжесть оказалась последней каплей для Учителя Бо. Он снова пошатнулся, и на этот раз его лицо исказилось не гневом, а настоящей, глубокой болью. Осознание смерти старого друга наконец пробило его железную броню.

Он грубо сбросил с себя руки братьев Ли, которые всё ещё пытались его поддержать, и с силой упёрся на трость, будто вбивая её в землю.

— Всем... выйти, — его голос прозвучал хрипло и безжизненно. Он не глядя махнул рукой в сторону двери. — Мне нужно поговорить с... внуком... моего друга. Наедине.

Братья Ли, не смея послушаться, тут же ретировались. Я же заколебалась на месте. Оставлять потрясённого Учителя Бо наедине с этим «пустым» местом в виде Янь Лу, чья карточка упорно не хотела загружаться? Моё нутро протестовало.

— Учитель, может, я... — начала я, но он резко обернулся, и в его взгляде снова вспыхнули знакомые молнии.

— Я сказал — ВЫЙТИ! — прорычал он так, что задрожали стёкла в окнах хижины.

Что ж, спорить с грозой, пусть и померкшей, было себе дороже. Я подавила вздох и вышла последней, бросив на Янь Лу короткий, полный подозрения взгляд. Он встретил его своим обычным невозмутимым, изучающим взглядом.

На улице братья Ли отошли подальше и тут же увлеклись своим любимым делом — обсуждением того, насколько всё безнадёжно. Я же не нашла в себе сил далеко уходить и плюхнулась на прохладную траву, спиной к старому кедру. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багрянец. Красиво. И безнадёжно.

«Странный тип, этот внук, — анализировала я сама се-

бя. — И почему он меня так напрягает? Наверное, всё дело в этой злополучной карточке. Вернее, в её отсутствии. Ну, и глаза, конечно... Слишком умные. Слишком всё видящие. Как у того психолога с филфака, который на первом же занятии заявил, что у меня "неразрешённый внутренний конфликт в сочетании с защитным сарказмом". Ну, он был недалёк от истины. Но в нём есть что-то... холодное. Глубинное. Как тёмная вода в колодце, глубина которого неизвестна».

Я вздохнула. Что теперь делать? Наша главная цель — мастер знаков — обратился в прах. Вторая, тайная цель — узнать о печати на корнях — тоже похоронена вместе с ним. Оставалась лишь туманная надежда, что этот Янь Лу действительно чему-то научился, если, конечно, Учитель Бо вообще решит довериться ему.

От безысходности я достала свою верную шкатулку. Она лежала на ладони безмолвная и прохладная.

— Ну что, дорогая? — прошептала я. — Все бросили, планы рухнули. Может, пособишь советом? Подкинешь новенький квест? «Найди другого мастера», например?

Шкатулка молчала. Я потрясла её слегка.

— Серьёзно? Когда нужно подкинуть мне головоломку про «корни» — это запросто! А когда реально нужна по-

мощь — тишина? — во мне закипела досада. Я зло швырнула её на землю, но тут же, ахнув, подхватила. *«Идиотка! Это же артефакт, а не камень!»* — мысленно отчитала я себя. — *«Ладно, прости. Но если не поможешь, отдам тебя Сяо Фэю, как по сюжету и положено!»*

В этот момент до меня донеслись обрывки разговора братьев Ли. Они отошли достаточно далеко, но ветер был попутным.

— ...они были как братья, — доносился голос одного из Ли. — Учились вместе, сражались плечом к плечу... А теперь...

«Снова смерть, — грустно поджала я губы. — И это только начало. С таким темпом Ху Яня скоро мы все будем ходить по тонкому льду над пропастью».

— Жаль старика, — буркнул второй, но тут его тон изменился. — Но зачем он эту... барышню с собой притащил? Только обуза. Без неё справились бы. Дочь клана... Пф. Внебрачная дочь, которую глава отправил, чтоб подальше с глаз.

— А ты видел, как она вчера сбегала? — подхватил второй, Ли Чжан. — Наверняка к любовнику побежала, раз такая вся из себя...

Терпение лопнуло. Я вскочила и быстрыми шагами направилась к ним.

— А вы, я смотрю, не только в боевых искусствах сильны,

но и в сплетнях мастера! — врезалась я в их беседу, сверкая глазами. — Мои передвижения — не ваша ума палата!

Между нами завязалась словесная перепалка. Я, вооружившись всем своим сарказмом и знанием их уязвимых мест (спасибо карточкам!), довольно быстро загнала их в угол. Ли Чжан, самый вспыльчивый из братьев, побагровел от злости. Его рациональность слетела, уступив место гневу.

— Да замолчи ты, выброшенная щепка! — прошипел он, и его слова ударили сильнее, чем любой кулак. — Внебрачная, слабая, тупая...

Я парировала, но он, не в силах вынести унижения, в ярости дёрнулся вперёд. Его рука потянулась к рукояти меча. Я увидела сталь в его глазах и... тело отреагировало само. Чужая, глубокая память о боли и унижениях заставила меня инстинктивно сжаться, закрыть глаза и ждать удара.

Но удара не последовало. Раздался лишь резкий лязг металла о металл, короткий вскрик и звук падения тела.

Я опасливо приоткрыла один глаз. Передо мной, спиной ко мне, стоял Янь Лу. Он был так близко, что я чувствовала лёгкое движение его плаща. В его опущенной руке был короткий, изящный клинок, на острие которого алела капля крови. Ли Чжан сидел на земле, хватаясь за порезанное

предплечье, а его меч лежал в паре метров от него.

«Ну вот, — промелькнула у меня в голове ироничная мысль, — классика жанра. Героиня в опасности, и вот он, таинственный красавец приходит на помощь. Прямо по канонам романтической драмы. Жаль только, что это — отнюдь не любовный роман. И вообще, по всем законам жанра, меня должны были уже разорвать демоны. Или жанр тоже поменялся вместе с сюжетом?»

Вмешательство последовало мгновенно. Из хижины, как гром среди ясного неба, вышагнул Учитель Бо. Его лицо было мрачнее тучи.

— Пока я решал важные вопросы, вы тут устроили представление для всей округи? — его голос грозно пророкотал. — Все трое получите наказание, как только вернёмся в клан!

«ВСЕ ТРОЕ? — завопила я внутренне. — Я тут чуть не стала шашлыком, а меня ещё и накажут? Это же классика клановой несправедливости!»

Мои возмущённые размышления прервал спокойный голос Янь Лу. Он повернулся ко мне, убирая клинок, его серые глаза внимательно скользнули по моему лицу.

— С вами всё в порядке?

— О, да я уже пережила нападение демонов, пакости

мачехи и ваш... пронизывающий взгляд, — отшутилась я, стараясь скрыть дрожь в коленях. — Какая-нибудь мелкая стычка с нервным учеником — это так, разминка.

Уголки его губ дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем усмешку. «О, так он ещё и юмор понимает? — подметила я про себя. — Интересно».

Учитель Бо, тем временем, огласил вердикт.

— Мастера Тай-Юня нет в живых, — произнёс он, и его голос снова приобрёл стальную твёрдость, хотя в глазах и осталась боль. — Но он успел передать свои знания. Янь Лу поможет нам разобраться с нашей... проблемой. Я во всём разобрался. Ему можно доверять.

Янь Лу стоял, бесстрастный, как статуя, подтверждая это своим молчаливым видом.

— Завтра на рассвете, — закончил Учитель Бо, — мы двигаемся обратно. И готовьтесь к наказанию, — он бросил взгляд на меня и на братьев Ли. — Без исключений.

Я вздохнула. Одна загадка сменилась другой. Мастер умер, но появился его загадочный наследник. Путь домой предстоял не менее опасный, чем сюда. И теперь в нашей команде был человек, которого моё главное преимущество отказывалось признавать.

Что могло пойти не так?

Глава 9. Уроки от мастера пепла и подозрительный попутчик

Возвращение в клан обещало быть куда менее веселым, чем дорога на гору. Не только из-за грозившегося наказания, но и из-за нового попутчика. Янь Лу перемещался с призрачной лёгкостью, его лицо не выражало ровным счётом ничего. Наши взгляды иногда встречались, и в его серых глазах я читала не интерес, а скорее аналитическое любопытство, словно я была сложным пазлом, который ему поручили разгадать.

Обратная дорога в клан Лян растянулась на несколько дней, превратившись в утомительное и нервное путешествие. Причина была проста: по нашему изначальному маршруту, вдоль реки Циншуй, пронёсся внезапный оползень, заваливший узкое горное ущелье камнями и вековыми соснами. Осматривая завал, Учитель Бо хмуро констатировал, что расчистка займёт недели.

Именно тогда Янь Лу, до этого молчавший как рыба, предложил альтернативный путь — через Долину Старых Стен. Путь был длиннее на два дня, извилистый и, по слухам, не са-

мый безопасный, но проходимый. Учитель Бо, после недолгого раздумья, кивнул. Выбора не было.

Я же встретила это предложение с глухой настороженностью. *«Слишком удобно, — сверлила я взглядом его неподвижную спину, пока мы сворачивали на новую тропу. — Слишком вовремя этот оползень. И слишком осведомлён этот "внук" о горных тропах».* С этого момента я начала изучать его с удвоенным вниманием.

Он шёл бесшумно, его пепельные волосы, заплетённые в простую косу, почти не колыхались на ветру, а лицо оставалось маской бесстрастия. В нём не было ни усталости, ни любопытства к пейзажам — лишь холодная, отстранённая целесообразность. По ночам он не спал, а сидел неподвижно, словно изваяние, и лишь на рассвете его ресницы чуть вздрагивали, будто он возвращался из каких-то далёких странствий. Всё в нём кричало о ненормальности, и моё внутреннее «преимущество» лишь усугубляло тревогу, упорно показывая пустую карточку с тремя вопросительными знаками.

На третий дня нашего долгого пути мы разбили лагерь на опушке старого кедрового леса. Воздух был свеж и прозрачен. Учитель Бо снова углубился в медитацию под огромным деревом, а братья Ли, измождённые долгой ходьбой, моментально свалились в сон у затухающего костра. Я же, чувствуя,

как тревога и беспомощность сжимают горло, украдкой отползла в густую тень старого, корявого дерева и достала шкатулку. Её дерево было тёплым, почти живым на ощупь.

«Ну же, —мысленно взмолилась я, прижимая её к груди. —Хоть что-нибудь! Намёк. Предупреждение. Хоть стрелку, куда идти! Впереди клан, где мне устроят тёплую встречу с наказанием, с мачехой и её интригами. Позади — пропавший мастер и растущая как на дрожжах угроза Ху Яня. Я в тупике!»

Шкатулка лежала в моих ладонях безмолвным, хоть и тёплым, куском дерева. Ни вспышки, ни вибрации, ни намёка на свиток.

— Чёрт возьми! — выругалась я вполголоса, сжимая её так, что пальцы побелели. — Ты что, батарейка села? Или ты только на раздачу загадок работаешь, а на ответы — нет?!

Я чуть не швырнула её о землю, но в последний момент сдержалась, лишь с силой стиснула в ладонях. И в этот момент из-за спины раздался спокойный голос.

— Ругаться с артефактами — занятие малопродуктивное. Они редко извиняются. И часто обижаются.

Я вздрогнула так, что чуть не подпрыгнула на месте, и резко обернулась. Янь Лу стоял в двух шагах, возникнув бес-

шумно, как призрак. Его серые глаза с интересом скользнули с моего перекошенного лица на шкатулку в моих руках. В его взгляде мелькнуло нечто — быстрое, как вспышка, — *узнавание? Интерес?* Я не успела понять.

— Вы... вы что, всегда подкрадываетесь к людям? — выпалила я, сердце колотилось где-то в горле.

— Я просто шёл мимо, — он парировал с той же невозмутимостью. — Это... интересный экземпляр. Очень древний. Чувствуется мощь, скрытая под слоями времени. Похоже на артефакт Поднебесной.

Он произнёс это с лёгкой отстранённостью учёного, но я поймала себя на том, что внимательно изучаю его реакцию. *«Он узнал её? Понял, что это?»* Но Янь Лу уже перевёл взгляд на меня, и его лицо снова стало непроницаемым.

— Поздно уже. Вам следует отдыхать. Завтра путь не станет короче.

С этими словами он развернулся и так же бесшумно растворился в сумраке леса, оставив меня ещё более взволнованной, чем прежде. Его мимолётный интерес к шкатулке заставил мою паранойю цвести пышным цветом.

Когда лагерь окончательно погрузился в сон, а луна поднялась высоко в небо, я, не в силах уснуть, снова уселась в медитацию. Отчаяние гнало меня вперёд. Я снова и снова

натыкалась на глухую, безжизненную стену внутри себя. Я пыталась пробить её, продавить, сосредоточив всю свою волю в один удар. Результатом была лишь растущая головная боль и чувство полного истощения.

— Вы пытаетесь проложить туннель через гору, используя для этого только собственный лоб, — раздался тот же спокойный голос. Он снова был рядом.

На этот раз я не вздрогнула, лишь с раздражением открыла глаза.

— А у вас есть предложение получше? Кроме как давать непрошенные комментарии? — я не могла скрыть язвительности. Доверять этому человеку было выше моих сил.

— Есть, — он ответил просто, игнорируя мой тон. — Ваш метод не просто неэффективен. Он вреден. Печать, которую на вас наложили, устроена хитро. Она питается вашей же силой. Чем яростнее вы штурмуете её, тем прочнее она становится.

Его слова прозвучали с такой уверенностью, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Он видел то, чего не видели годами клановые наставники.

— И что же делать? Смириться? — с вызовом спросила я.

— Нет. Нужно понять её природу. — Он сделал шаг ближе. — Позвольте.

Он схватил мою руку, не трогая, а словно проверяя что-то. По моей руке пробежала короткая, едва уловимая волна... чего-то чужого. Не ци, не энергии в привычном понимании. Скорее, это было похоже на эхо, на лёгкую вибрацию самого пространства вокруг моей блокировки. Это было неуловимо, странно и немного пугающе.

— Интересно, — произнёс он, отпуская мою руку. Его брови слегка сдвинулись — максимальная эмоция, которую я пока что видела на его лице. — Печать... не родовая. И не травматическая. Она наложена с искусством. И с жестокостью. Она не блокирует, а изолирует. Как будто ваш корень поместили в стеклянный сосуд, чтобы наблюдать, как он угасает.

От его слов похолодело внутри. «Стеклянный сосуд». За три месяца никто — ни учителя, ни наставники — не смогли понять даже этого. Это было ужасно и... давало надежду. Стекло можно разбить.

— Вы... вы можете её снять? — выдохнула я, забыв о всякой осторожности.

— Нет, — его ответ был безжалостно честен, и моё сердце снова упало. Но он продолжил: — Тот, кто наложил эту печать, сделал это так, что снять её может только он. Или... тот, кто обладает знанием, превосходящим его. Но я могу показать вам, как найти слабое место в стекле. Если вы, конечно, хотите.

Это был шанс. Первый за долгое время луч настоящей надежды, исходящий от самого подозрительного человека из всех, кого я встречала.

— Я... конечно хочу! — выдохнула я, и в этих двух словах был весь мой страх, вся моя злость и вся моя решимость.

— Хорошо. Тогда забудьте всё, чему вас учили. Забудьте о «ци», о «потоке», о «накоплении силы». Вы не сможете её накопить, потому что её тут же поглотит печать. Вам нужно сделать нечто противоположное, обмануть её.

— Обмануть заклинание? — усмехнулась я. — Звучит просто.

— Простота — высшая форма сложности, — парировал он без тени улыбки. — Закройте глаза. Не пытайтесь чувствовать ци. Попробуйте чувствовать... пустоту. Найти внутри себя точку абсолютного покоя, где нет ни силы, ни желания её иметь. Печать не может питаться ничем. Найдите это «ничто».

Это было безумно. Все учебники, все наставления твердили об обратном. А он предлагал искать ничто. Но отступить было некуда. Я закрыла глаза и погрузилась в борьбу с самой собой, с собственными ожиданиями и страхами, под пристальным, невыразительным взглядом серых глаз, в которых я всё ещё пыталась разглядеть скрытую угрозу.

Следующие дни пути превратились в череду странных, почти абсурдных упражнений. Пока наш маленький караван двигался через унылые предгорья, Янь Лу заставлял меня не следить за тропой, а следить за собственным дыханием, пока я не переставала его замечать. Он указывал на плывущее в небе облако и говорил: *«Следите за ним, но не думайте о его форме, цвете или направлении. Просто знайте, что оно есть»*. Это было безумно сложно. Мой разум, отточенный годами анализа и сарказма, восставал против этой парадоксальной немоты. Братья Ли смотрели на эти занятия с откровенным презрением. Учитель Бо хранил гробовое молчание, но я ловила на себе его тяжёлый, неотрывный взгляд — взгляд полководца, оценивающего новое, непонятное оружие.

Однажды вечером, когда я в очередной раз пыталась «слушать тишину», ко мне подошёл Учитель Бо.

— Странные методы у этого юноши, — произнёс он, глядя на неподвижную фигуру Янь Лу у другого края костра.

— Он... не похож на других учителей, — осторожно согласилась я.

— Мастер Тай-Юнь тоже был не похож на других, — Учитель Бо покачал головой. — Он видел корень проблемы, а не её листья. Возможно, его внук унаследовал этот дар. — Он помолчал, а затем добавил: — Наказание за инцидент с Ли Чжаном остаётся в силе. Месяц чистки отхожих ям и пе-

реписки архивных свитков. Но... твои успехи на этом «пути тишины» могут быть приняты во внимание. Если они принесут пользу клану.

Это было больше, чем я могла надеяться. Учитель Бо видел в этом не ересь, а потенциальный инструмент.

И вот, в ночь перед тем, как должны были показаться знакомые стены клана Лян, это случилось. Сидя в медитации, я не пыталась ничего искать. Я просто отпустила всё. Страх, надежду, злость на шкатулку, подозрения к Янь Лу, усталость от дороги. Я позволила себе просто *быть*. И в этой странной, безмысленной пустоте я наконец-то ощутила его. Не энергию, а её отсутствие. Тот самый «осколок стекла» — крошечный, холодный и невероятно острый сгусток пустоты в самом центре моего существа. Я не стала его атаковать. Я просто коснулась его краешком сознания. И мне почудилось, что где-то там, за непроницаемой гладью, что-то огромное и дремлющее шевельнулось в ответ, встревоженное этим прикосновением.

Я открыла глаза. Лагерь спал. Янь Лу сидел неподвижно, его силуэт был тёмным пятном на фоне лунного неба. Казалось, он не дышит.

— Получилось? — прошептала я, и в голосе прозвучала не просьба о подтверждении, а потребность разделить это

странное открытие.

Он медленно повернул голову. Лунный свет серебрил его пепельные волосы.

— Поздравляю. Но это был только первый шаг, Лянь Шэн, — его голос был тихим, но чётким. — Вы нашли замочную скважину. Теперь вам предстоит найти ключ. — Он сделал паузу, и в его словах прозвучала та самая безжалостная ясность, что пугала меня с самого начала. — А ключ... никогда не лежит на виду. Его всегда прячут внутри самой сложной части механизма.

С этими словами он снова погрузился в своё безмолвие, оставив меня наедине с ночью и с новой, пугающей перспективой. Я осталась сидеть, глядя на звёзды. Впереди меня ждало возвращение в клан, наказание, интриги мачехи и растущая тень Ху Яня. Но впервые за долгое время я чувствовала не страх и не отчаяние. Я чувствовала... азарт. У меня появился союзник, пусть и самый загадочный. И у меня появился путь. Долгий, опасный, но *мой*.

«Ну что ж, — подумала я, ловя на губах улыбку. — Посмотрим, что прочнее: печать, наложенная извне, или воля той, кто решил эту печать взломать».

Глава 10 Тень над Кланом Лян

Последний отрезок пути до клана Лян должен был стать лёгкой прогулкой после горных троп. Мы уже вышли из чащи леса, и впереди, в долине, зазмеились ухоженные дороги, ведущие к предместьям. Воздух пах уже не хвоей и свободой, а дымом очагов, пылью и людскими страстями – знакомый, душный запах города. Уже виднелись в дымке знакомые очертания стен, и в воздухе витало почти осязаемое чувство возвращения домой, пусть и на встречу с наказанием. Ещё пара часов — и мы дома. Мысль о тёплой постели и миске съедобной еды (в отличие от походной похлёбки) казалась раем.

Именно на этом, казалось бы, безопасном пяточке, судьба решила преподать нам очередной урок о бренности планов. Из-за поворота, с грохотом и звоном стали, высыпала группа культиваторов в синих с золотом одеждах – цвета враждебного клана Фэн. Они с яростными криками преследовали другого, в зелёных одеяниях.

Культиватор клана Фэн. Амбициозен, заносчив. Отношение: Враждебное. Уровень опасности: Средний (в драке)».

«Неизвестный культиватор. Статус: Жертва обстоятельств. Уровень опасности: Низкий (для окружающих)».

– Воры! Верните артефакт! – орал один из «синих».

– Это моя законная добыча с испытаний! – парировал Фэн, лихо уворачиваясь от удара мечом.

Наша группа замерла, наблюдая за этим цирком. Учитель Бо испустил звук, похожий на ворчание раздражённого медведя. Братья Ли замерли в нерешительности. А я, предчувствуя недоброе, инстинктивно сделала шаг назад и как кста-ти рядом было Ху Янь, и я быстро ретировался за краешек его спины.

Именно в этот момент один из клана Фен, размахнувшись для мощного заклинания, поскользнулся на разбросанном конском помёте. Сгусток световой энергии, предназначенный его оппоненту, рванул в сторону, прямо в нашу группу. Целью оказался Ли Вэй, наш вечный паникёр. Он вскрикнул, поднял руки, будто мог остановить ци жестом отчаяния, и шквал энергии чиркнул его по предплечью, оставив рваную, дымящуюся ссадину.

Рана была неглубокой, но выглядела устрашающе и явно требовала очистки от остатков чужой ци – иначе загноения

и долгого заживления не избежать.

Учитель Бо повернулся к нам. Его лицо было выразительнее любой тирады.

– Пользы от вас, как от мёртвого светлячка, – громоподобный голос Учителя Бо заставил вздрогнуть даже дерущихся. – Даже на ровном месте умудряетесь создать проблему! Мы практически у ворот, а вы... вы как дети, которых пугает собственная тень!

Ли Вэй хныкал, держась за руку, а его брат Ли Чжан пытался выглядеть сурово, но по его лицу было видно, что он готов провалиться сквозь землю. Я не удержалась и позволила себе короткую, едва заметную усмешку.

«Ну что, братцы? – язвительно подумала я. – Где ваши речи о том, что я – обуза? Карма, однако, штука быстрая и меткая. Сначала сплетничали, а теперь вот сами под раздачу попали. Жаль, Учитель не оценил иронии ситуации».

Ситуация была патовой. Тащить раненого в клан без обработки было глупо. Учитель Бо, скрепя сердце, принял единственно верное решение.

Ситуацию решили практично: Ли Чжан повёл брата в го-

родскую лечебницу, а мы втроём — Учитель Бо, я и безмолвная тень Янь Лу — направились в ближайшую таверну «Уснувший дракон» их ждать.

Сердце моё ёкнуло, когда я увидела знакомую вывеску. Это было то самое место, где я подслушала роковые слухи о Ху Яне. Мы устроились за грубым деревянным столом в углу. Воздух, как и прежде, был густ от запахов дешёвого вина, жареного мяса.

Я старалась выглядеть как можно незаметнее, но тут к нашему столу подошёл ушлый разносчик, которого я за два года своих тайных визитов знала как облупленного.

— О, почтенная госпожа! — воскликнул он, радостно узнав меня. — Снова к нам пожаловали! И не одна, а с почтенной компанией! Вам как обычно, зелёный чай «Весенний ветерок»?

— Вы... ошибаетесь, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я здесь впервые.

— Ах, простите, простите, почтенная! — разносчик, наконец, осознал свою оплошность и, бормоча извинения, ретировался.

В воздухе повисла звенящая тишина. И почувствовала, как по спине побежали ледяные мурашки. Я видела, как взгляд Учителя Бо медленно и тяжело, как жернов, перева-лился на меня. Он ничего не сказал, но его молчание было красноречивее любых слов. Янь Лу же, к моему удивлению, прикрыл глаза, делая вид, что поправляет рукав, но я успела заметить лёгкую, почти невидимую усмешку, тронувшую уголки его губ. «Чёрт, он понял!»

Пока мы сидели в напряжённом молчании, я уловила обрывки разговоров за соседним столом. Двое купцов, отхлёбывая пиво, оживлённо обсуждали новости.

— ...слышал, в ночь на полнолуние на севере, у подножия горы Линь, целое поле духовных трав было выжжено дотла! Ни пожара, ни пепла — просто пепельная земля и запах серы!

— Говорят, это его рук дело... Ху Яня. Но странно — людей не тронул, здания целы. Будто просто... предупредил.

Мой внутренний радар зашёл с ума. Выжечь поле духовных трав — это был удар по ресурсам целого региона, стратегический ход, не вписывающийся в его каноничный образ безумного садиста. Я украдкой скользнула взглядом по Янь Лу, сидевшему напротив. Он медленно пил свой чай, его ли-

цо было абсолютно бесстрастным. Ни тени интереса, ни намёка на беспокойство. Его серые глаза были пусты, как выгоревшее небо. Эта ледяная невозмутимость пугала куда больше любой подозрительной суеты.

Слова о выжженном поле повисли в таверне тяжёлым, злобующим облаком. Учитель Бо с силой поставил свою чашку на стол, так что дерево треснуло.

— Этот мир стремительно катится в бездну, — прошипел он, и в его голосе звучала не просто злость, а горечь. — И демоны, что плодятся в его тени, лишь следствие гниющей сердцевины.

Янь Лу не проронил ни слова. Он просто смотрел в свою чашу, будто в чайных листьях мог разглядеть ответ на все вопросы. Его спокойствие в такой момент казалось неестественным, почти пугающим.

И тут с улицы донёсся новый шум — не драка, а нарастающий гул голосов, переходящий в панику. Кто-то пронзительно крикнул прямо у входа в таверну:

— Клан Лян! Клан Лян в огне!

Ледяная стрела пронзила меня. Клан Лян. Наш клан был в опасности. Учитель Бо вскочил так резко, что скамья под ним отъехала с скрежетом. Его взгляд метнулся ко мне, пол-

ный немого приказа, а затем к Янь Лу.

— Быстрее туда! — бросил он, и это не было просьбой.

Мы выскочили на улицу, сметая с пути растерянных зевак. Сердце колотилось, отдаваясь в висках оглушительным стуком. Мы неслись по пыльным улочкам, и вскоре впереди, за последними домами предместья, показалось знакомое зрелище, от которого кровь стыла в жилах.

Над нашим кланом Лян стояло не яркое зарево обычного пожара, а мутная, чёрно-багровая дымка, словно сама тьма решила извергнуться из недр земли. Воздух был наполнен не запахом гари, а кисловатым, металлическим смрадом разлагающейся энергии. И источником этого кошмара был мемориал правил. Светящийся знак Ху Яня пылал теперь не рубиновым, а угольно-чёрным огнём, и из него, как ядовитые змеи, извивались и вырывались сгустки чистейшей тьмы.

Мы ворвались в открытые настежь ворота. Картина была удручающей. Несколько старших учеников и старейшин лежали на земле, корчась от боли, с тёмными, пульсирующими пятнами на теле и одежде. Среди них был и глава клана, мой «отец» Лян Чжэн. Он сидел, прислонившись к стене, одной рукой сжимая окровавленное плечо, из которого сочился тот же чёрный энергетический яд. Его лицо было бледным и искажённым страданием.

Внезапно один из сгустков, извивавшийся в воздухе, рванул в сторону группы перепуганных учеников, прятавшихся под навесом. Учитель Бо, не раздумывая, бросился вперёд. Он скрестил руки, и вокруг него вспыхнуло золотистое сияние защитного барьера. Тёмный шар с шипением ударился о световую стену, но не рассеялся. Он, словно живой, зарычал, отпрянул и, сменив траекторию, с удвоенной яростью понёсся прямо на меня.

Время замедлилось. Я увидела приближающуюся пульсирующую черноту, чувствуя её леденящий душу холод. «Опять? — пронеслось в голове. — Снова в меня целаются? Это уже не случайность, это закономерность. Сюжет действительно хочет меня убить?»

И тут между мной и смертью возник он. Янь Лу. Он не бросился, не закричал. Он просто шагнул вперёд, и всё вокруг изменилось.

Воздух вокруг него вспыхнул не золотым, а лунно-серебряным сиянием. Это не была грубая сила барьера. Это была сама чистота, кристаллизовавшаяся в свет. Он поднял руку, и серебряный поток, тонкий и невероятно плотный, устремился навстречу тёмному сгустку. Он не отразил его, а остановил. Чёрная энергия замерла в сантиметре от его ладо-

ни, яростно бьющаяся, как пойманная птица, в невидимой клетке из лунного света. Серебряное сияние озаряло его лицо, делая пепельные волосы белыми, а серые глаза — почти прозрачными с легким оттенком красного, полными сосредоточенной, безжалостной воли.

— Бо! — голос Янь Лу прозвучал напряжённо, но чётко. — Эта энергия не собирается! Она ядовита и самовоспроизводится, питаясь страхом и ци клана! Её нужно не блокировать, а изолировать и вернуть в источник!

— Знаешь как? — рявкнул Учитель Бо, его собственный барьер трещал под натиском других сгустков.

— Да! Но для ритуала запечатывания нужен треугольник — три точки привязки! Я могу создать ловушку и быть одним углом, вы — вторым! Нам нужен третий! Сильный!

Янь Лу держал главный сгусток, но видно было, как ему тяжело. На его лбу выступили капельки пота, а рука, удерживающая серебряный поток, слегка дрожала. Учитель Бо, отбиваясь от других атак, не мог долго помогать.

Мне нельзя было стоять без дела. Я рванула вглубь клана, оббегая горящие (точнее, тлеющие чёрным огнём) постройки, в поисках помощи. И я нашла его — молодого наставни-

ка Ли Вэя. Он был на тренировочной площадке, организовывая оборону и оказывая первую помощь раненым ученикам. Увидев мое перекошенное от ужаса лицо, он мгновенно отреагировал.

— Лянь Шэн? Вы уже вернулись с...

— Мемориал... Тьма... Нужен третий заклинатель! Янь Лу говорит, может спасти! — перебила его я, хватая за рукав.

Он не задавал лишних вопросов. Кивнув, он схватил меня за руку.

— Держись за меня крепко!

Мир поплыл вокруг. Он использовал технику мгновенного перемещения — «Шаг сквозь тень». Пейзаж за окном промелькнул размытым пятном, и через секунду мы уже были на площади перед мемориалом.

Картина была ужасной. Янь Лу уже не стоял, а стоял на одном колене, его серебряный свет мерцал, борясь с почерневшим, раздувшимся сгустком. Учитель Бо, бледный как смерть, едва держался на ногах, его золотой барьер был почти прорван.

— Где был?! — крикнул Учитель Бо, но в его глазах читалось облегчение.

— Нет времени... Объясняй, что делать! — Ли Вэй был собран и готов к бою.

— Создаём энергетический треугольник! — отрывисто командовал Янь Лу, его голос был хриплым. — Я — вершина, вы — основание! Я создам сосуд-приманку! Направляйте в неё все сгустки!

Он отпустил одной рукой контроль над сгустком (Учитель Бо и Ли Вэй тут же синхронизировались, взяв его на себя) и быстрым, сложным движением пальцев вывел в воздухе серебряный узор. Из этого узора возникла маленькая, прозрачная, словно хрустальная, кукла-марионетка. Она висела в центре треугольника, мерцая.

— Начли! — скомандовал Янь Лу.

Трое мужчин, объединив волю, направили потоки своей ци. Это было гипнотизирующее зрелище: яростная чёрная энергия, словно привлечённая магнитом, устремилась в хрупкую на вид куклу. Она впитывала её в себя, темнея и пульсируя, пока не превратилась в сгусток чистой тьмы.

Янь Лу, лицо которого исказилось от нечеловеческого напряжения, сделал последний, резкий жест руками. Он слов-

но схватил невидимые нити, связывающие куклу с мемориалом.

—Запечатывание! — его голос прорвался сквозь стиснутые зубы.

Серебряный свет вспыхнул ослепительной вспышкой. Чёрная кукла, пронзённая светом, рванулась назад, к пылающему знаку на стеле, и втянулась в него, словно её никогда и не было. Чёрное пламя на мемориале погасло, оставив после себя лишь обугленный след.

Тишина. Гробовая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием и стонами раненых.

Учитель Бо и Ли Вэй рухнули на колени, полностью истощённые. Их ци было на исходе. И тут я увидела это. Янь Лу, всё ещё стоя на одном колене, резко отвернулся и подавил короткий, сухой кашель. Когда он убрал руку ото рта, на его бледных, почти белых пальцах алели капли свежей крови.

Он... истратил свои силы до предела. Рисковал собой. Ради нашего клана.

В тот момент что-то во мне дрогнуло. Лёд недоверия дал первую трещину. «Плохой человек... не стал бы так себя ве-

сти. Не стал бы тратить столько сил и рисковать своим состоянием ради спасения тех, кого он, по идее, должен был обманывать».

Я подошла к нему, протягивая свой носовой платок — маленький, вышитый скромный кусок шёлка.

— Вы... в порядке? — тихо спросила я.

Он медленно поднял на меня взгляд. Его серые глаза, обычно пустые, сейчас были полны усталости, но в их глубине читалась та же ясность. Он взял платок, кивнул, но ничего не сказал. Этого было достаточно. Враги так не поступают. И впервые с момента нашей встречи я почувствовала не страх, а нечто иное — зарождающееся доверие и жгучую благодарность. Он спас меня. Снова. И на этот раз и мой Клан...

Глава 11. Доверие, купленное кровью.

Тишина, наступившая после запечатывания тьмы, была звенящей и хрупкой, как первый лёд в чашке недопитого чая. Её нарушали лишь тяжёлое дыхание выдохшихся заклинателей и приглушённые стоны раненых. Воздух, ещё недавно отравленный металлическим смрадом разложения, медленно очищался, уступая место знакомым запахам дыма, пыли и неподдельной паники. Над кланом Лян стояла не просто разруха, а ощущение надругательства, осквернения самого его сердца — мемориала. «Отличное возвращение домой. Привет, родные стены! А мы тут с демоническим апокалипсисом заскочили, вы не против?»

Я стояла, чувствуя, как дрожь в коленях постепенно отступает, уступая место ледяной ясности и саркастичному внутреннему монологу. Мой взгляд перебегал с Учителя Бо и Ли Вэя, которые, опираясь друг на друга, с трудом поднимались на ноги, на Янь Лу. Он по-прежнему стоял на одном колене, его спина была напряжена. Капля крови на его губах казалась кричаще алой на фоне мраморной бледности кожи. «Ну вот, теперь он ещё и в готическом стиле. Бледный, загадочный,

с кровавыми губами. Осталось только начать цитировать депрессивные стихи при луне».

«Янь Лу. Внук Мастера Тай-Юня. Статус: Истощён, ранен. Только что спас клан (и мою скромную персону). Уровень опасности: ПЕРЕОЦЕНИВАЕТСЯ. Уровень доверия: РАСТЁТ (с оговорками, потому что выглядит как финальный босс в первой главе)».

Оговорки никуда не делись. Слишком много загадок, слишком удобное появление. Но теперь к ним прибавился неоспоримый факт: он пролил свою кровь, чтобы остановить угрозу, с которой не справились старейшины клана. «Хотя, если подумать, какая идеальная маскировка — сначала всех спасти, завоевать доверие, а потом БАЦ! — и все кланы уже у его ног. Чёрт, я, кажется, сама себе паранойю подпитываю».

К нам уже бежали слуги и менее пострадавшие ученики. Началась суета: раненых уносили в покои, тушили последние очаги чёрного пламени. Главу клана, Лян Чжэна, бережно подняли. Его взгляд, полный боли и ярости, на мгновение встретился с моим. В нём не было привычного отстранения — лишь тяжёлое, немое вопрошание. Я отвела глаза, чувствуя странную смесь вины и оправданности. «Вот, отец, посмотри, какую бурю приносит с собой твоя "внебрачная"

дочь. Прямо к порогу дома. Думаешь, это я демонов навела? А может, это они меня нашли по запаху твоего родительского долга, который ты так и не выплатил?»

Учитель Бо, отдышавшись, первым нарушил молчание. Он подошёл к Янь Лу и, к моему удивлению, не стал задавать вопросов. Вместо этого он совершил нечто немыслимое — короткий, почтительный кивок, полный глубокого, небывального уважения.

— Клан Лян в долгу, — произнёс он хрипло. — Без тебя... потерь было бы не избежать.

Янь Лу медленно поднял голову. Он вытер остатки крови с губ моим платком и встал, его движения были по-прежнему отточенными, но в них читалась усталость.

— Долг — понятие отвлечённое, — его голос звучал ровно, но без привычной стальности. — Я сделал то, что должен был сделать. Печать нестабильна. Это была лишь первая вспышка.

— Что?! — вырвалось у меня. — Значит, это может повториться? «О, великолепно! Теперь у нас ежедневные демонические атаки по расписанию. Может, заодно и будильник завести? "Доброе утро, время отражать вторжение тьмы!"»

— Энергия, питающая знак, никуда не делась, — он по-

смотрел на почерневший мемориал. — Её лишь... загнали обратно в клетку. Но клетка повреждена. Нужно не просто укреплять её. Нужно найти источник этой энергии и перерезать канал.

Его слова повисли в воздухе, холодные и безрадостные. Это была не победа, а лишь передышка. И в этот момент, когда он говорил о "перерезании канала", его образ на мгновение дрогнул. Прямо перед моим внутренним взором карточка с его данными мигнула, как испорченный световой меч, и я увидела:

«ХУ ЯНЬ. ГЛАВНЫЙ АНТАГОНИСТ. САД...»

И тут же, будто кто-то дёрнул за шнур питания, карточка с шипением вернулась к исходному состоянию:

«Янь Лу. Внук Мастера Тай-Юня. Ста

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.